
яна перепечина

А я смогу...

Яна Александровна Перепечина

А я смогу...

Серия «Время мечтать.

Романы о любви»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42387837

А я смогу: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-983191-4

Аннотация

В жизни Ольги была любовь, о которой мечтают многие. Но дверь в прошлое давно закрыта, а ключ потерян... Случайная встреча с бывшим мужем показала, что они заблуждаются. Но как сделать шаг навстречу друг другу, когда в общем прошлом столько боли и разочарований, а в настоящем происходит что-то непонятное и опасное? Да и говорят же, что нельзя войти в одну реку дважды... А если все-таки попробовать?

Содержание

Подмосковье. Осень 2000 года	5
Москва и область. 1987–1992 годы	14
Подмосковье. Осень 2000 года	22
Москва и Подмосковье. 1987–1992 годы	36
Москва. Осень 2000 года	48
Москва и область. 1987–1992 годы	52
Москва и область. Осень 2000 года	60
Москва. Двамя месяцами ранее. Лето 2000 года	68
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Яна Перепечина

А я смогу...

© Я. Перепечина, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*** * ***

Подмосковье. Осень 2000 года

Кровь стучала в ушах. Или это была ненависть? Да, пожалуй, всё же именно она. Потому что сложнее всего было сдержаться и не закричать в это насмешливое умное лицо: ненавижу, ненавижу, **НЕНАВИЖУ!** И ещё раз по слогам: **НЕ-НА-ВИ-ЖУ!**

А старик сидел, откинувшись в кресле, и ухмылялся. Вцепиться бы ему сейчас в жиденькие волосёнки одной рукой, а другой сжать горло. И ведь всё получилось бы. Старик (хотя, если начистоту, стариком-то он как раз и не был, далеко ему ещё до старости) ещё не выздоровел после тяжёлой болезни. Не вернулись прежние немалые силы. Поэтому справиться с ним вполне можно было бы...

Каким наслаждением было бы видеть его испуганным, понявшим, что всё, игра закончена. Да ещё так позорно, стыдно, глупо. Но нельзя. Он всё продумал, этот бесполезный червяк. И придётся унижаться, подчиняться и терпеть.

Зараза! Такое только в книгах бывает и в старых фильмах, больше похожих на сказку. Но сейчас-то ведь двадцать первый век! И вдруг такое идиотское условие. Бред какой-то!

А старик смотрел так спокойно и в то же время насмешливо, будто видел насквозь и читал все мысли. Наконец соизволил процедить:

– Здесь всё изложено в подробностях, – он взял со стола

бумаги и демонстративно перелистал их. – Вопросы есть?.. Ну, на нет и суда нет. Действуй. Иначе будет поздно. И ещё раз по пунктам самое главное. Во-первых, никакого выбора у тебя уже нет, хватит эту бодягу тянуть. Только она и никаких вариантов. Если не она, то ничего не получишь. Второе: времени у тебя максимум полгода. И третье: я про неё всё узнал, договориться с ней или подкупить её вряд ли получится. Только добром. Что меня очень устраивает. «Как хотите, мама, так и крутитесь, но завтра похороны», – старик хохотнул над цитатой из любимого анекдота и сухо добавил: – В общем, чтобы максимум через полгода дело было сделано. Или не получишь ничего. А мои люди проследят.

Почему-то в тот вечер ей пришла в голову блажь поймать машину. Она прекрасно знала, что от бассейна, который находился в южной части Реутова, до её дома на северной стороне проще дойти пешком.

Подмосковный Реутов город непростой. Симпатичный, уютный, его и Подмосковьем-то если и можно назвать, то только формально. Потому что ближе к центру Москвы, чем какое-нибудь Бутово, Митино и уж тем более Некрасовка. С одной стороны – Кольцевая дорога, с другой – московский район Новокосино. Но всё равно не Москва. И это чувствуется по каким-то неуловимым приметам. Во всяком случае, она чувствовала. И, приезжая из столицы, сразу радовалась: слава богу – дома.

Город делила на две части Горьковская железная дорога. И вот это делало проживание в городе не слишком удобным. Пешком-то из одной части в другую можно было добраться проще простого: высокий мост через пути уже давно заменили двумя подземными переходами. А вот чтобы проехать на машине, требовалось сначала вырулить на Кольцевую дорогу и только потом снова съехать с неё в Реутов, но уже с другой стороны железной дороги. Нелепица, но автомобильного сообщения между двумя частями города, кроме как через МКАД, не было.

Ольга понимала, что может попасть в пробку, и тогда путь домой запросто растянется на неопределённое время. Но шёл дождь, ужасно не хотелось брести по лужам через тёмные дворы, особенно в свете последних событий, и она, выскочив из бассейна прямо к Носовихинскому шоссе, подняла руку. Тут же остановилась машина. Ольга её отпустила, вторую, нервно смеясь и чувствуя себя героиней детектива, – тоже.

Следом, рискованно перестроившись в правый ряд, притормозила третья. Ольга машинально – натаскал бывший муж – отметила: «Ауди» А8. Удивиться тому, что водитель такой машины бомбит, не успела: торопясь укрыться от дождя, открыла дверцу, ведущую в тёплое нутро. Хулиганистый ветер как раз особенно хлётко и обидно наподдал ей по спине и ниже. Ольга поёжилась, нажала на кнопку зонтика – сложила – и не слишком ловко плюхнулась на переднее

сиденье рядом с водителем. Но вот ножки убрала привычно изящно, просто загляденье, аж самой понравилось. Захлопнув дверцу, она недолго повозилась, усаживаясь, мокрый зонт пристроила в ногах и чинно скрестила руки на сумке, положенной на колени.

Машина мягко тронулась с места. Ольга вспомнила, что даже не поздоровалась и не сказала, куда ей ехать. Вдохнув вкусный запах, показавшийся почему-то знакомым, она повернулась вполоборота к водителю и чуть виновато улыбнулась. Стёкла её кокетливых очочков в тепле салона моментально запотели и, глядя на водителя сквозь туман, Ольга попросила:

– Простите меня, пожалуйста, за суматоху. Я даже не поздоровалась с вами. В северную часть Реутова, будьте добры. На Комсомольскую. Если заезжать неудобно, то остановите на Кольце у подземного перехода, возле «Бахуса», я покажу.
– Да я знаю, Лёль...

... Сердце ухнуло вниз с такой скоростью, что даже голова закружилась. Как всё просто. «Да я знаю, Лёль» – и будто не было девяти лет. Четыре слова, сказанные спокойным, чуть охрипшим голосом, а она уже сидит ни жива ни мертва и пытается унять бешено бьющееся сердце, которое вернулось от пола, но промахнулось и вместо своего обычного положения почему-то долбитя с немыслимой силой в горле и ушах одновременно.

Ольга медленно сняла очки. И, прищурившись, посмот-

рела на него. Да, это был именно он. Сергей Ясенов. Серёжка. Тот самый бывший муж, который научил её разбираться в машинах и мотоциклах. С которым прожила она два года. И с которым рассталась девять лет назад.

Видела Ольга без очков не очень хорошо, но не настолько, чтобы не узнать его, когда он сидит вот так близко. Протяни руку – и можно коснуться чуть заросшей щеки. Она так хорошо помнила, что он всегда немислимо быстро обрастал. Побреется утром, а к обеду пора опять доставать станок. Вот и сейчас даже на взгляд твёрдая загорелая щека его была колючей.

Ольга смотрела на него и молчала. Знала, что нужно что-то сказать, выдать из себя хотя бы ничего не значащее приветствие – и не могла. А произнести то, что вертелось на языке, не могла тем более.

– Ну, здравствуй, что ли, Лёль?

Ольга, наконец, усилием воли загнала сердце на отведённое Господом Богом место и негромко, с лёгкой, ничего не значащей улыбкой – вот так, молодец, умница, хорошо получилось – ответила:

– Ну, здравствуй, Серёж. Какими судьбами? От родителей?

Родители её бывшего мужа Серёжи Ясенева жили в Железнодорожном, как раз чуть дальше Реутова, если ехать по Носовихинскому шоссе.

– Нет, – безмятежно улыбнулся он. И ей тут же захотелось

вцепиться ему в волосы. Она сидит почти в обморочном состоянии, а ему хоть бы хны!

– Я от Рябинина.

– Как от Рябинина?! – она изумилась так по-детски, так откровенно, что он тихо засмеялся:

– Чему ты удивляешься? Пашку забыла?

– Да нет, я просто не знала, что вы до сих пор общаетесь.

– Мы не общаемся, мы дружим. Как и раньше. Ничего не изменилось. Только теперь у нас ещё и бизнес общий.

Ольга от удивления даже рот приоткрыла. Он когда-то очень любил это её трогательное умение удивляться и неспособность скрывать своё изумление.

– Как это вы дружите? Это мы с ним дружим! То есть общаемся... И с ним, и со Златой, его женой. Ты что, и её знаешь? – вдруг недоверчиво поинтересовалась она.

– Знаю, – улыбка его стала ещё шире, – я у них на свадьбе венец Пашке держал.

– Ничего не понимаю! Мы с ним первые пару лет после... – она чуть было не сказала «после нашего развода», но вовремя исправилась, – после... института не созванивались...

– Он в это время в армии служил, – с готовностью пояснил Сергей, не заметив её заминки или сделав вид, что не заметил.

– Ну вот, а потом созвонились, и с тех пор частенько видимся и по телефону общаемся... Я в прошлом году на дне

рождения Пашки у них была...

– Я тогда в командировку в Питер уехал. Срочно пришлось отправиться, ну ведь не имениннику же пилить. Вот я и вызвался, поэтому меня не было...

– То есть, ты хочешь сказать, что всё это время, лет пять, а то и шесть, Рябинин дружит с нами обоими одновременно, а мы об этом не знаем? Или ты знал?!

– Нет, не знал, честное слово! – Сергей скорчил уморительную рожу, и Ольга чуть было не шлёпнула его, как много лет назад, перчаткой по затылку. Но удержалась. С трудом. – Он не говорил.

– Ну, не может быть, он же никогда двулличным не был!

– Зато он всегда был человеколюбивым и деликатным... – При этих его словах Ольга тут же вспомнила, как раньше по-настоящему и очень по-мужски дружили её муж и Павел Рябинин. И, оказывается, ничего за эти годы не изменилось в их отношениях. Не то что у них с Серёжей... – Не хотел нас тревожить, вот и не говорил, – заступился за друга Сергей.

– То есть меня он тогда позвал на день рождения только потому, что ты уехал в Питер?

Её бывший муж неопределённо пожал плечами.

– И ты об этом знал?

– Да не знал я, Лёль! Я же уже сказал. Я понятия не имел, что вы общаетесь.

– Слушай, что ты еле едешь?! Нельзя ли побыстрее?! – раздражённо отвернулась от него Ольга и упёрлась взглядом

в пробку, как назло образовавшуюся на самом выезде с Носовихинского шоссе на внешнюю сторону МКАД.

– Лёль, будь у меня вертолёт, непременно бы выполнил твоё пожелание. Но сейчас не обессудь. Если ты согласишься по сторонам, то увидишь, что ползу я не в гордом одиночестве. А в окружении других таких же бедолаг. Так что придётся тебе потерпеть и помучиться в моём обществе.

– Перестань паясничать и высади меня здесь! – Ольга была готова рвать и метать от нахлынувшей непривычной ярости. И злилась в первую очередь на себя.

Зачем она села в его машину?! Надо было сразу, как только увидела Сергея, бежать, куда глаза глядят. Ясно же, что ничего хорошего из их несвоевременной встречи получиться не могло...

– Как скажешь, Лёль, – автомобиль послушно замер в крайнем левом ряду МКАД, куда они потихоньку протолкались-таки, несмотря на пробку. Ольга, кипя от возмущения, всё же попыталась распахнуть дверцу, всерьёз собираясь пробраться мимо еле ползущих машин и пойти дальше пешком. Мимо пролетел мотоциклист на спортбайке, едва не снеся её вместе с дверцей и окатив брызгами. Ольга ахнула, неловко запрыгнула обратно, прихлопнув полу плаща, и испуганно замерла, вцепившись тонкими пальцами в ручку. Сзади и с боков раздражённо загудели. И она совсем смешалась, покраснела и растерянна, снизу вверх, посмотрела на него, как смотрела раньше, ища поддержки и защиты в труд-

ных ситуациях.

Сергей тут же вспомнил, что она всегда была очень зависима от мнения окружающих, её больно ранило любое проявление всякого недоброжелательства. И рядом с ней высокий, крепко сбитый Серёга Яснев, меньше всего похожий на романтического героя, чувствовал себя прекрасным принцем на белом коне, берегущим от невзгод принцессу крови.

Москва и область. 1987–1992 годы

Он тогда очень любил и жалел её. Очень.

Ольга выросла в семье, где отец и мама просто обожали друг друга и почти не обращали внимания на народившегося зачем-то ребёнка. Бывает, оказывается, и такое. Прехорошенькая (Сергей обожал пересматривать детские фотографии Лёльки) дочка их, белокожая, белокурая, с огромными ярко-голубыми глазами и нежными пальчиками, была совершенно беспроблемным ребёнком. Часами могла рисовать или вышивать крестиком где-нибудь в уголке и не мешала родителям упиваться своей взаимной любовью.

Она довольно хорошо училась в школе. Правда, не блистала и звёзд с неба не хватала, но не от недостатка ума, а от природной застенчивости. Тем не менее, довольно легко поступила в их мальчиковый институт. Учиться в нём ей, правда, было сложно. Но она сразу же, трогательно краснея и бледнея, предложила себя на должность старосты, её выбрали, и она, пользуясь служебным положением, так весело, так доброжелательно и с такой готовностью стала помогать всем в меру возможностей и ненавязчиво заботиться обо всех, что скоро её полюбила вся их группа. А полюбив, все начали поддерживать: подсказывали, когда она терялась у доски, решали за неё особо заковыристые задачки, объясняли то, что никак ей не давалось, и совали на контрольных

листочки с ответами. И таким вот образом Ольга умудрялась переходить с курса на курс и даже что-то понимать в том, чему их, собственно, учили.

К концу первого семестра у них сложилась небольшая, но крепкая компания, которую однокурсники называли «перелеском». Будто специально подружились добрый и озорной Пашка Рябинин, хулиган и балагур Серёга Ясеньев, эстет и эрудит Олег Грушин и умница Оля Березина, которую Ясень считал ещё и красавицей. Перевирая известную песню, Ясеньев часто пел специально мимо нот: «То Берёзка, то Рябина, Ясень с Грушей над рекой. «Перелесок» мой любимый, где найдёшь ещё такой?!»

А потом вдруг их с Ольгой дружба каким-то немислимым, уму непостижимым образом переросла в любовь. Хотя нет, чего уж себе врать-то? Он, Ясень, влюбился в Лёльку с первого взгляда. Как и когда накрыло любовью её, он точно не знал. Но вскоре уже весь курс был в курсе того, что Ясень и Берёзка жить друг без друга не могут.

На третьем курсе они решили пожениться. Это было первое неудобство, которое тихая и спокойная Оленька Березина доставила своим родителям. Ей было двадцать, а им по сорок три, и меньше всего они хотели становиться тестем с тещей, а в перспективе и дедом с бабушкой. Поэтому потенциальный зять, который, встретиться они в другой ситуации, им, пожалуй, что и понравился бы, тут стал вызывать стойкую антипатию. Но Оля, их тихая, беспроблемная дочь,

которая им за двадцать лет и слова поперёк не сказала, тут взбрыкнула и замуж вопреки воле родителей вышла.

И сейчас Ясень, глядя на её несчастное испуганное лицо, не понимал, как это получилось, что он девять лет назад отпустил её. Он ведь и тогда любил, сильно и преданно. А вот, поди ж ты, услышав от неё: давай разведёмся – пожал плечами и без возражений пошёл в ЗАГС. С чего бы вдруг он тогда так отупел?

Пашка с Олегом в тот день его пытались не пустить, под белы ручки затащили в кабак, и убеждённый трезвенник Рябинин пил вместе с ним водку, морщился и умолял очухаться. А исчезнувший из кабака под шумок Грушин, как потом выяснилось, бегал в реутовский ЗАГС уговаривать сотрудниц не разводить Сергея и Ольгу Ясеньевых. Да-да, она тогда носила его фамилию.

Как он был горд в далёком восемьдесят девятом году, когда она, заполняя анкету в ЗАГСе, в графе «фамилия после заключения брака», светло и нежно улыбнувшись ему, вывела своим красивым лёгким почерком «Ясенева». Он тогда от избытка чувств вынес её на руках на улицу и так и шёл с ней в охапке до её дома. И готов был поклясться, что ему совсем не тяжело вот так идти и что он готов носить её на руках, пока не обессилеет от дряхлости. А потом, на старости лет, он планировал бродить с ней за руку где-нибудь в Европе или по берегу тёплого моря. Это уж смотря что она предпочтёт.

Но вместо старости рука об руку они развелись через два

года. Тихо, почти без скандалов. Но ему тогда показалось, что жизнь его закончилась в тот момент, когда симпатичная девица в ЗАГСе дала ему свидетельство о расторжении брака, в котором было написано, что они с Лёлькой больше не муж и жена, а чужие люди. Что за бред? – подумалось тогда. Как они могут быть чужими людьми, когда всё, абсолютно всё в их жизни связано друг с другом? Дальше читать то, что было написано в свидетельстве, он не стал, засунув его на самое дно ящика с документами, и больше никогда не доставал.

Но оказалось, что они друг без друга очень даже запросто могут. Их курс как раз заканчивал институт (из-за долгой преддипломной практики дело было не летом, а осенью), все готовились защищать дипломы, а он с горя даже хотел взять академку. Не разрешил научный руководитель, который, услышав лепет Ясенева о семейных обстоятельствах, так на него наорал тогда, что даже секретарь декана заглянула в аудиторию с испуганным видом. И слава богу, что наорал. Потому что только благодаря этому равнодушному молодому ещё мужику он, Ясень, всё-таки собрался и кое-как защитился.

Когда объявили оценки – невероятно, но он даже в странном, сумеречном состоянии, накрывшем его после развода, получил «четвёрку» – Серёга вышел из аудитории и, какой-то оглушённый и совершенно пустой внутри, будто барабан, встал у окна, глядя, как пролетают за окном электрич-

ки. Одни – в сторону трёх вокзалов, другие – в Люберцы, Томилино, Жуковский. В Томилино они частенько ездили с Лёлькой, там жила её тётя Валя, сестра отца, которая любила мужа племянницы и каждый раз к их приезду стряпала обожаемые им голубцы. А теперь вот и Лёлька ему чужой человек, и тётя Валя никто.

Он посмотрел вниз. На крыльце толпились абитуриенты, изучая расписание экзаменов. Ясень вспомнил, как пять с лишним лет назад и они с Пашкой Рябининым, замирая от страха и предвкушения, стояли у этих дверей. В день, когда вывешивали оценки за сочинение, шёл настоящий тропический ливень. Они с мамой тогда долго переждали его в подземном переходе, потом Ясень не выдержал и, оставив маму, чтобы не промокла, рванул к институту, краем глаза отметив, что рядом бежит худенький высокий парнишка. Оказалось, что это потенциальный однокурсник. К дверям, на которых были вывешены заветные списки, они подлетели одновременно и, отфыркиваясь от холодных струй дождя, стали искать свои фамилии. Парень нашёл первым и, изумлённый и довольный, поделился: у меня «четвёрка». Ясень понимал, что его фамилия должна быть где-то в конце списка, но ему всё время попадались какие-то Яблочкин и Яхнина, а его, Ясенева, не было. Он уже хотел было испугаться, когда наткнулся-таки на себя.

– Тоже «четвёрка», – сообщил он парнишке.

– Поздравляю, – широко и искренне улыбнулся тот,

и Ясень решил, что вот с этим парнем он обязательно будет дружить, если они оба, конечно, поступят.

– Сергей, – серьёзно представился он.

– Паша, – парень протянул ладонь с длинными пальцами и неожиданно крепко пожал руку Ясеню.

– Очень приятно, Паш.

– Мне тоже, Серёг.

Потом они вместе, никуда не спеша, шли прямо под утихающим постепенно дождём к переходу, и Пашка Рябинин, а это был, конечно, он, рассказывал, что сочинение писал по Горькому, любимому своему писателю, и накатал аж двенадцать страниц.

– Я маме об этом говорю, а она только за голову схватилась: сынок, ты что, если на каждой странице хотя бы по одной ошибке, то тогда их минимум двенадцать!

Ясень хохотал и качал головой. Пашка смеялся тоже, и Серёге весело было смотреть, как бегут по радостному загорелому лицу нового друга сильные ещё дождевые струи.

Алгебру Ясень сдал легко, а вот Пашка чуть не срезался. Вместе с ним поступали два его одноклассника, и он, зная, что они почти не готовились, сначала решил их вариант, а потом только принялся за свой. Им наreshал на «пятёрки», а сам не успел сделать два последних задания. Но первые были выполнены с таким блеском, что «хорошо» ему всё-таки поставили. Сергей тогда восхитился Рябининым и снова подумал, что быть им друзьями. Следующие два экзамена оба

сдали на «отлично» и второго августа увидели, наконец, свои фамилии в списках поступивших.

– Паш, смотри, вот я! – сияя, будто латунный бабушкин таз, в котором она варила варенье, Серёга ткнул пальцем в самый конец списка. Паша посмотрел и захохотал в голос.

– Ты что?

– Да ничего, нарочно не придумаешь! Ты Ясенев?

– Ну да.

– А я вот, – и он показал в середину третьего листа.

– Рябинин Павел Артемьевич, – прочёл Серёга и тоже заржал громко и весело, – ну, быть мне Ясенем, а тебе Рябиной.

– И не говори.

А первого сентября выяснилось, что в их группе учатся также Олег Грушин и Оля Березина.

Серёга на Ольгу внимание обратил сразу. Ну, во-первых, в их почти полностью мужском вузе все девушки были на виду. А во-вторых, не заметить Олю было сложно.

Он тогда на радостях приехал в институт чуть ли не раньше всех, сел в аудитории, поджидая Пашку Рябинина, и с интересом разглядывал входивших. Вскоре на пороге показалась высокая, почти с него ростом, тоненькая девушка.

Раньше, сталкиваясь в книгах со словами «фарфоровая кожа», он никак не мог понять, о чём идёт речь. Ему казалось, что это выдумка писателей. А тут вдруг увидел наяву. У девушки действительно была невероятно светлая ко-

жа с таким лёгким и нежным румянцем, что, приди Ясеню в голову мысль описать незнакомку, и он не нашёл бы слов лучше и точнее, чем заезженная фраза про «фарфоровую кожу». Лицо девушки обрамляли волнистые светлые волосы, такие нежные и шелковистые даже на вид, что ему сразу захотелось погладить. И глаза, такие... такие... Ясень тогда так и не смог подобрать определение для этих глаз. Зато моментально подумал, что эту девушку упускать нельзя.

Потом, при ближайшем знакомстве, он заметил, конечно, что она не идеальная красавица. Но это уже не имело никакого значения. Потому что Ольга Березина, та самая девушка, которую впоследствии весь курс будет звать Берёзкой, оказалась ещё и той девушкой, в которую умудрился с первого взгляда по уши втрескаться семнадцатилетний Серёга Яснев.

Подмосковье. Осень 2000 года

– Лёль, перестань психовать, я тебя довезу до дома хоть и небыстро, но зато в целости и сохранности, и ты меня больше не увидишь.

Она, не глядя на него, достала свои очки, которые сняла за бесполезностью, как только они запотели, и водрузила их на нос, будто бы отгородилась от него. Ясенев кашлянул и бесцветным голосом спросил:

– Как Людмила Ивановна и Александр Андреевич?

– Спасибо, хорошо, здоровы.

– А бабушка?

– И бабушка жива. Болеет, конечно, иногда, но для своих лет вполне молодцом.

– Передай им привет, – он и сам не знал, зачем сказал это. Ясно ведь, что она передавать ничего не будет.

Но она кивнула:

– Обязательно.

И они оба замолчали, думая о своём. Машины поехали резвее, и вскоре его тёмно-зелёная «Аудяшка», «Авдотья», как иногда он, куражась, называл её, повернула направо, в Реутов. Серая пятиэтажка, вторая от дороги, въезд за мусоркой, первый подъезд – он помнил всё до мелочей. Большая машина его плыла по огромным лужам, будто крейсер. Он подвёз Ольгу к самому подъезду, постарался выбрать ме-

сто посуше, чтобы ей было удобнее выходить. Она вздохнула, вцепилась в свою сумку и вдруг спросила:

– Сколько я тебе должна?

Лучше бы в лицо плюнула. Он понял, что эту фразу она репетировала с того момента, как замолчала. Захотелось схватить её за плечи и трясти, как тряпичную куклу, чтобы очнулась и стала прежней Лёлькой, его Лёлькой. Вместо этого он устало сказал:

– Перестань, Лёль. Не имеет смысла. Мы чужие люди, и не надо стараться ранить. Кто я тебе?

Она кивнула:

– Никто, – распахнула дверцу и шагнула под дождь, не раскрывая зонта. До подъезда оказалось ровно пять шагов, он посчитал. Шестой шаг скрыл её за старой, крашенной коричневой краской дверью. Ни домофона, ни кодового замка на ней не было. Всё как раньше. Можно было уезжать, но Сергей почему-то медлил, вспоминая, как она уходила, даже не обернувшись и не махнув рукой.

Лёлька жила на четвёртом этаже, два окна слева от лестничной клетки. Сначала кухня, потом её комната. Вторая комната выходила на другую сторону. Сергей сидел и смотрел на эти тёмные окна, в голове было гулко и пусто. Больно бухало в груди сердце, и противно тряслись поджилки. Если бы Сергею Ясенеvu было не тридцать два года, скоро тридцать три, а двенадцать, он бы плакал. Но ему было целых тридцать два, и поэтому он только ударил раскрытой ла-

донью по рулю и, машинально глянув на часы, собрался было уезжать, как вдруг что-то неприятно царапнуло сердце. Секунду он пытался осмыслить непонятное и раздражающее это ощущение, потом резко выдернул ключ из замка зажигания, выскочил прямо в лужу, не заметив этого, громко хлопнул дверцей, автоматически нажав на кнопку брелока, и, ругаясь сквозь зубы, помчался в подъезд. Перескакивая через три ступеньки, он на ходу додумывал мысль, выдернувшую его из тёплого нутра машины: Лёлька скрылась за дверью подъезда семь минут назад. А свет в её окнах до сих пор не зажёгся.

Что-то случилось! Он мчался, прыгая через три ступени, и больше всего боялся не успеть. Первый этаж. Второй. Третий. В горле образовался огромный, удушающий комок. И каждый бешеный скачок его отдавался в сердце: Лёлька, Лёлька, Лёлька!..

... Ольга сидела на ступеньках и тихо плакала. Он раньше ужасно боялся её слёз. А теперь ему сразу стало легче дышать: живая! Почему вдруг ему подумалось, что могло быть не так, он и сам не знал...

Ясень плюхнулся на ступеньку рядом с Ольгой, обхватил её худенькие плечи своими большими руками и умиротворяюще зажурчал:

– Тихо, Лёлька, тихо. Я здесь. Я сейчас всё исправлю. Что случилось? Ты ключи потеряла? Или это я тебя так расстро-

ил, что у тебя даже сил нет в квартиру зайти? Так давай я помогу и испарюсь. Просто как джин – был и нету. Слушаю и повинуюсь, моя госпожа!

Она вдруг заплакала в голос и, повернувшись к нему, вцепилась в мягкую ткань его пальто мёртвой хваткой, уткнувшись мокрым лицом в шею. На секунду ему показалось, что он вернулся в далёкий восемьдесят девятый год, когда они ещё только поженились и очень, очень, очень любили друг друга. Такая волна горячей нежности и сумасшедшего счастья накрыла вдруг, что он еле слышно застонал и уткнулся лицом Лёльке – его Лёльке! – в волосы, жарко целуя влажные завитки. Она не отшатнулась, а прижалась сильнее, будто ища защиты и поддержки. Ему было неудобно сидеть, и спина сразу заныла, но он был готов помереть на этой лестнице, только бы не отпускать Лёльку совсем. Никогда.

Но она через пару минут перестала всхлипывать, выпрямилась и стала рыться в красивой своей сумочке – искала платок. Он так понимал каждое её движение, каждое желание, будто все эти девять лет они жили не порознь, а вместе. Поэтому он сунул руку в карман и достал пачку одноразовых носовых платков. Ольга благодарно кивнула и вытащила один. Тяжело встала, опираясь на его плечо. Сергей тут же подскочил и поддержал её. Лёлька повернулась к двери своей квартиры и глухо произнесла:

– Смотри.

Двери она поменяла. Он помнил обитую деревянными

планочками фанерную, а теперь была железная, обтянутая бежевым дерматином, или как он там называется, да ещё и с рамками из тонких реек. Красивая дверь, элегантная. Но вот на этой красивой, элегантной двери чем-то бурым, подозрительно напоминающим кровь, было крупно, размашисто написано: ТВАРЬ! ГОТОВЬСЯ!!!

Сергей вытащил из Ольгиной леденющей руки ключи, сам открыл дверь, нашарил выключатель. После полутёмной лестничной клетки свет показался таким ярким, таким весёлым, что он даже на секунду зажмурился. Потом взял Ольгу за руку и повёл в квартиру.

Здесь всё было иначе, не так, как он помнил. Свежий ремонт, светлые стены и полы, продуманное освещение, много зеркал. Маленькая квартирка сразу стала казаться больше.

– Сама или дизайнера нанимала?

– Сама, – слабо улыбнулась Ольга.

– Очень красиво, ты такая молодец, – он повернулся, чтобы закрыть дверь. На секунду ему показалось, что на лестнице кто-то есть. Он даже выглянул, но никого не увидел и вернулся в квартиру.

Лёлька успела снять нежно-голубой кожаный плащ, разуться и прошла в ванную. Он без спросу шагнул в её «светёлку», как называл когда-то крохотную комнатку, в которой она выросла. Ему было очень интересно посмотреть на то, как она живёт сейчас. На пороге Сергей замер, поражённый. Со стены на него ласково смотрели голубые глаза Лёльки,

его Лёльки.

Этот портрет написал когда-то пожилой арбатский художник. В тот вечер Серёжка сделал ей предложение. И Лёлька сразу, не ломаясь и не жеманясь, радостно и легко согласилась выйти за него замуж. Потом они гуляли по Арбату, держась за руки, и улыбались всем встречным-поперечным.

— Молодой человек, разрешите, я напишу вашу девушку, — негромко обратился к ним художник, — этот портрет будет волшебным. Вы проживёте вместе долгую счастливую жизнь и всегда будете видеть в своей жене вот эту милую, юную фею с бездонными очами.

У Серёги тогда как раз были деньги, они с Пашкой зарабатывали их, подрядившись разгружать фуры с фруктами на оптовом рынке. И ему так захотелось прожить с Лёлькой всю жизнь и на старости лет любить её ничуть не меньше, чем в этот апрельский вечер, что он был готов отдать всё заработанное этому славному художнику, увидевшему в Лёльке то, что он и сам видел, но не умел сформулировать. Впрочем, все деньги отдавать и не понадобилось. Портрет стоил не так дорого, и Лёлька уселась на складной стульчик перед мольбертом, а он сам устроился рядом.

Счастливая ли Лёлька была в тот вечер так прекрасна, или рисовальщик оказался мастером, но пастельный портрет этот получился настолько хорош, что все, кто видел его, только ахали. Даже сам художник, казалось, удивился и пришёл в восторг. Отдавая свою работу Ясеню, он тихо произ-

нёс:

– Вы будете счастливы вместе, вот увидите.

И они были счастливы... два года, а потом всё закончилось. А вот теперь юная Лёлька смотрела на своего повзрослевшего бывшего мужа и улыбалась так пронзительно, так нежно, что Ясеньев второй раз за вечер пожалел, что он мужчина и не может плакать. Он вздохнул и отвернулся. Рядом стояла Лёлька сегодняшняя и тоже смотрела на свой портрет. И ему показалось, что за те одиннадцать лет, что прошли с апрельского вечера, она совсем не изменилась. Даже смотрит так же ласково и ободряюще. Он хмыкнул, страхи-вая морок, и попросил:

– Лёль, напои меня чайком, пожалуйста.

Она с готовностью кивнула и отправилась на кухню, а Сергей, намочив под краном найденную в ванной тряпку, вышел на лестничную клетку. Протянув руку, чтобы начать смывать злобную надпись, замер, постоял недолго и рванул вниз, в свою машину. В бардачке у него лежал фотоаппарат. Отчего ему в голову пришла эта идея – снять изуродованную дверь, он и сам не знал, но решил всё-таки послушаться внутреннего голоса.

Сделав несколько кадров, принялся оттирать надпись. Буквы были большими, широкими, в некоторых местах к дерматину даже прилипли какие-то кусочки, похожие на сгустки крови. Ясень отковырнул один из них, задумчиво помял, потом понюхал, удовлетворённо усмехнулся и принял-

ся отмывать дверь. Когда он вернулся, Лёлька уже маялась в коридоре, не в силах оставаться одна на кухне и не смея выйти на лестничную клетку.

– Что? – спросила она несчастным голосом.

– Печёнка.

– К-как печёнка? Какая печёнка? – Ольга уставилась на него с таким недоумением и ужасом, что он с трудом сдержался, чтобы не чмокнуть её в кончик хорошенького носа, как делал раньше.

– Говяжья. Или телячья. А может, свиная, – я в печёнках не очень разбираюсь.

– О господи! А я думала, кровь, человеческая! Это ужас какой-то...

– Лёль, что происходит?

Она прошла на кухню, села за стол и поманила его, он пристроился напротив. На весёлой скатёрочке с узором в виде кофейных зёрен и листочков стояли вазочки с печеньем, вафельными трубочками и земляничным вареньем. Ольга протянула ему полулитровую чашку, в которую до самых краёв был налит крепчайший чёрный чай. Сергей грустно улыбнулся:

– Ты помнишь мои пристрастия?

– Конечно, я всё помню, – кивнула она и тоже улыбнулась, просто и спокойно, будто это и не они вовсе полчаса назад ругались в машине.

Он помолчал, сделал несколько глотков и блаженно за-

крыл на минуту глаза. На этой маленькой кухне ему всегда было очень уютно и хорошо. Даже когда ещё вместо модного гарнитура с современной плитой и посудомойкой здесь стояли старые шкафы и вода капала в эмалированную раковину с потёками ржавчины. Они все, дети инженеров, работников умирающей «оборонки», тогда жили бедненько и почти впроголодь. Да в конце восьмидесятых – начале девяностых почти вся страна жила так. Поэтому бедность не шокировала, а уж молодости, как известно, всё по плечу.

Ольга молчала, грустно водя тонким пальцем по кофейным зёрнам на скатерти, и смотрела в темноту за окном. В стекло стучал дождь, и из небольшого музыкального центра, стоявшего на холодильнике, Александр Иванов пел про московскую осень.

«Очень в тему», – подумал Ясень и снова спросил:
– Лёль, что происходит?

Человек на лестнице был в бешенстве. Так всё хорошо получилось, так складно. Она была уже готова. И тут такая незадача. Думал чуть-чуть ещё потянуть, чтобы уж точно дошла до нужной кондиции. А оказалось – опоздал. Чуть-чуть бы пораньше, на пару минут...

Откуда принесло этого шкафообразного питекантропа? По лестнице он взлетел на четвёртый этаж с невероятной скоростью, будто боялся за неё. Что ему нужно было? И почему недотрога Ольга вдруг кинулась к нему на шею, словно

он был её последней надеждой на спасение?

Да ещё теперь они заперлись в квартире и совершенно непонятно, что там происходит. Войти, что ли? Только вот Ольге не надо знать, что у него есть ключи от её дома. Иначе всё сорвётся. Да уже почти сорвалось, во всяком случае, первый тайм проигран почти всухую. И всё из-за этого амбала. Вся долгая подготовка теперь псу под хвост!

– Серёж, я ничего не понимаю. Но явно что-то происходит. – Ольга устало потёрла виски и обхватила обеими руками чашку – грелась. Она часто мёрзла и совершенно не могла мириться с его манерой зимой и летом спать с распахнутым настежь окном. Из-за этого они тоже ругались.

Они вообще под конец ругались из-за всего. Иногда ему казалось, что у них нет абсолютно никаких точек соприкосновения. То есть совершенно. Но он всё равно любил её так, что буквально дышать не мог, если её не было рядом.

Иногда Ясеню казалось, что именно про них были придуманы слова «вместе плохо, а врозь невозможно». Потому что Лёлька тоже скучала по нему страшно. И когда мальчишек их курса отправили на военные сборы в Лиски, под Воронеж, она умудрилась за месяц написать ему ровно тридцать пространных писем. В первую неделю отправляла по почте, а после, опасаясь, что не успеют дойти, складывала в коробку, которую отдала ему, когда он уже вернулся. И он потом полночи читал эти письма, а она спала рядышком. И Яснев,

до неприличия влюблённый в свою жену, тихонько целовал её в нежный висок с бьющейся жилкой. В одном из писем было стихотворение. Он даже не сразу понял тогда, что это она сама, в жизни не сочинившая ни строчки, написала ему коряво, но искренне:

Не дай мне бог остаться без тебя,
Страшней для любящего сердца нет потери.
Хочу прожить всю жизнь, тебя любя,
Деля с тобой мгновенья, дни, недели...

А через год она подала заявление на развод. И он согласился. Оба они, что ли, тогда с ума сошли?

– Что ты не понимаешь, Лёль? – вынырнул он из горьких воспоминаний.

– Вокруг меня заварилась какая-то каша, а откуда ноги растут, я никак не могу понять. Давай я тебе расскажу? Ты всегда умел разобраться в самых сложных вещах.

Он и вправду умел, но даже если бы был глуп как пробка и знал об этом, то всё равно слушал бы её только для того, чтобы слышать и видеть.

– Всё началось, пожалуй, весной... – она заговорила медленно, будто глядя в себя. – Да. Точно. Около полугода назад. Во всяком случае, тогда я это заметила. Мне показалось, что за мной следят.

– То есть как? – безгранично изумился Ясень.

– Ну, вот так. Ты же знаешь, я вообще-то мало того что близорукая, так ещё и рассеянная. Поэтому у меня есть подозрение, что я заметила наблюдателей гораздо позже, чем они появились. А может, они сначала были осторожнее, а потом поняли, что я, – она невесело усмехнулась, – девушка не самая внимательная. Ну, и обнаглели. Прятаться перестали. Несколько раз я замечала парней, которые меня явно вели от дома до работы и куда бы я ни пошла. Машины одни и те же на глаза попадались. Они, наверное, думали, что такая тетёха, как я, в марках автомобилей уж точно не разбирается. Они ж не знали, что я два года была твоей женой и ты меня всему научил. Вот машины и не меняли особо. Но только я стала всерьёз напрягаться по этому поводу, как они пропали. Я уж подумала, что мне всё померещилось. Только вот потом началась и вовсе какая-то неразбериха.

Сергей слушал внимательно, и она благодарно улыбалась ему иногда, грустно вздыхая.

– Неделю назад разбили витрину моей «Феи».

– Какой феи? – не понял Ясень.

– Ах да, ты же не знаешь, наверное. Я накопила денег и открыла небольшой цветочный магазинчик. Здесь, в Реутове, у станции. Дело неожиданно пошло. Потом ещё один, в Томилине. Теперь подыскиваю помещение в Железке. Называются мои магазинчики «Фея цветов». И вот разбили витрину в Реутове.

– Ну, это может быть случайностью, – мягко заметил Сер-

гей. Ему не хотелось, чтобы она решила, что её неприятности кажутся ему мелочью.

– Конечно, я так и подумала поначалу, – кивнула Ольга, – но на следующий день краской из баллончика залили все стёкла в Томилине. Вряд ли это совпадение, ты так не считаешь?

– Да, не похоже.

– Вот и мне так кажется. Хотя милиция считает, что это мой параноидальный бред. Или конкуренты. Только ведь и это не всё. Значит так, началось всё в прошлый четверг, а в субботу я получила письмо...

Она встала, с полки над плитой достала конверт и протянула его Сергею. Тот осторожно открыл его и вынул листок. На нём цветными весёленькими буквами разных размеров и очертаний, вырезанными из каких-то журналов, было набрано:

ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО. БЕРЕГИСЬ!!!

– Ух ты, аж три восклицательных знака! – восхитился Яснев и, аккуратно сложив письмо, убрал его обратно в конверт. – Какие эмоциональные недоброжелатели. Об этом ты в милиции говорила?

– Нет. Без толку.

– Так. Дальше что?

– Дальше моей машине прокололи все четыре колеса, взломали ворота отцовского гаража и до смерти напугали продавщицу моего магазинчика здесь, в Реутове, позвонив

по телефону и сказав, как она утверждает, загробным голосом: увольняйся, твоя хозяйка всё равно скоро сдохнет! И всё это за несколько дней.

– Весело, – покачал головой Сергей.

– Куда уж веселее. А сегодня вот что, – она махнула рукой в сторону входной двери.

– Я всё стёр, Лёль, не волнуйся. И теперь ты не одна. Разберёмся. Я тебя в обиду не дам.

– Серёж, – он даже вздрогнул, так тепло и ласково это прозвучало, – ну зачем тебе мои проблемы? Ты прости, я на тебя всё вывалила. Но мне теперь получше, и я как-нибудь сама в них разберусь. Ладно?

– Неладно. Лёль, ты можешь думать обо мне всё, что хочешь, но бросить тебя одну вот сейчас я никак не могу. Ты же знаешь, я друзей в беде не бросаю.

Она знала. Она так хорошо это знала, слишком хорошо. Это-то и была основная причина, из-за которой она тогда, девять лет назад, подала на развод.

Москва и Подмосковье.

1987–1992 годы

Он действительно был идеальным другом. Из тех, кто считает, что дружба понятие круглосуточное. Сначала ей это нравилось и даже вызывало чувство, больше всего похожее на восторг. Но потом оказалось, что в семейной жизни эта его готовность мчаться на край света по первому зову друзей, или тех, кого он считал ими, очень мешает. А этих самых «друзей» у него было так много, что времени для неё, жены, просто не оставалось.

Сама она была убеждена, что друзей много быть не может, и пыталась внушить мужу, что и у него настоящих, близких, верных друзей двое – Паша Рябинин и Олег Грушин, ну, может, ещё один их однокурсник, Влад Серафимов. Серёга не соглашался. Пашку, Олега и Влада он любил, но и другим отказать не мог. Стоило кому-то сказать сакраментальное «ты ж мне друг, мне больше не на кого рассчитывать», как он бросал всё на свете и нёсся выручать.

Много раз Ольга оставалась ночами одна. Случалось, что он, выйдя в магазин за хлебом, звонил ей через сутки откуда-нибудь из Могилёва и сообщал, что с ним всё в порядке, но вот Васе (Пете, Вите, Коле – и далее по телефонной книжке) срочно понадобилась его помощь, и поэтому он вернётся

через пару дней.

– Лёлька, – нежно шептал он, – ну ты ж понимаешь? Ты меня в институте прикрой, ладушки? Зря я, что ли, на старосте группы женился?

Первое время она была не в силах устоять против его сумасшедшего обаяния и, смеясь, пугала:

– Ох, Серёга, прохлопаешь ты молодую жену. Уведут меня, пока ты Васе (Пете, Вите, Коле – и далее по телефонной книжке) помогаешь.

Потом стала злиться и, выслушав объяснения, молча кладала трубку. Но хватило её ненадолго, и вскоре в их доме стали вспыхивать безобразные скандалы, один другого отвратительнее. А тут ещё родители её, вместо того чтобы помочь, поддержать, стали подливать масла в огонь.

– Он наверняка алкоголик, – шипела на кухне мама.

– Ты же знаешь, что он не пьёт, – пыталась защищать Сергея Ольга.

Ласковая тёща это знала, конечно. Но отступить не собиравалась.

– Тогда он точно по бабам шляется. Вот заразит тебя какой-нибудь дрянью, хорошо, если не СПИДом.

– Не нужна ты ему, поэтому так себя и ведёт, – соглашался с ней папа, – вот посмотри на нас с Люсей. Мы друг без друга никуда.

А Ольга только хлюпала носом и глотала слёзы. Мужу своему она верила безоговорочно, но и терпеть его постоянные

отлучки больше не могла. Когда она заявила Ясеню, что подаёт на развод, ожидая, чего уж греха таить, что он испугается, одумается и они станут жить совсем по-другому, он вдруг безропотно согласился.

Через месяц её родители уезжали в Америку, мамина школьная подруга, вышедшая замуж за американца, пригласила её к себе. Шёл девяносто первый год, и теперь можно было. Бледная Ольга, ставшая за тридцать дней, прошедших со дня расставания с Ясением, ещё тоньше, провожала их в аэропорт. Обнимая её перед разлукой, мама громко, так что слышали окружающие, сказала:

– И чтобы Сергея в нашем доме не было. Разводитесь – разводитесь. А то ведь знаю вас, сейчас приедешь домой, посидишь полчаса в одиночестве и станешь ему названивать. А его дважды звать не надо, он от тебя будто пьяный. Видит тебя – и голову теряет. Озабоченный! Ничего ему больше от тебя не надо. Только одного! Вмиг примчится, и будете у нас в квартире, как кролики... – Тут отец дёрнул её за руку, и она не договорила.

Но красная от стыда Лёлька всё поняла, конечно, как и все окружающие. Она развернулась на каблуках и побежала вон, подальше от неделикатной матери и мягкотелого отца.

– Обиделась! – громогласно возмущалась за её спиной мать. – А что я такого сказала? Озабоченный он и есть!

– Он пока ещё её муж, – тихо попытался урезонить её отец, – а она его жена. Имеют полное право. Может, ещё по-

мирятся.

– Муж объелся груш! – неоригинально срифмовала мать. – Не нужен нам такой муж!

Сергей ждал её у дома. Откуда-то он узнал, что родители уехали. Она так соскучилась за этот месяц, так не надеялась уже его увидеть, что тихо заплакала, глядя, как он ходит около подъезда, сжимая в руках её любимые ромашки.

Этот месяц они были счастливы, как никогда. Но чем ближе было возвращение родителей, тем чаще Ольга вспоминала слова матери. И вдруг откуда-то вновь поднялись обида и разочарование. Накануне приезда отца и мамы Ольга закатила совершенно не свойственный страшный скандал с битьём посуды. Поводом стал очередной ночной отъезд Серёжи.

На самом деле Ольга сразу поняла, что ситуация и вправду серьёзная, но сдержаться почему-то не смогла.

Началось всё, как водится, с телефонного звонка. Было уже часа два ночи, и они мирно спали, обнявшись, как спали, собственно, весь этот месяц, ставший для них вторым медовым. Сон был так крепок, что, разбуженная трезвоном телефона, она страшно испугалась, до дрожи в руках и ногах. Сергей схватил трубку. Слышно в ночной тиши было превосходно, и Ольга сразу поняла, что звонит Пашка Рябинин. Стало ещё страшней, потому что за два года их с Ясением семейной жизни деликатный Пашка в неурочное время

не звонил ни разу. Сергей молча выслушал и коротко сказал:
– Заезжай, буду готов через пять минут.

Ольга была так напугана, что вскочила и побежала на кухню делать бутерброды. Ясень оделся и умылся очень быстро, и она успела только покромсать хлеб и докторскую колбасу и бросить их в полиэтиленовый пакет. Серёжа благодарно улыбнулся ей, чмокнул и подпихнул в сторону комнаты:

– Иди спать, Лёль. Буду не скоро, поэтому ждать не надо.

– Да что случилось-то?! – не выдержала она.

– Наш Серафимов, Сима, чтоб его, поехал в Казань на похороны дяди и попал в аварию. Состояние тяжёлое. Будут делать переливание крови. Только у них там, в Казани, проблемы с донорской кровью. А у Симы вообще четвёртая отрицательная. Пашке позвонила Лёхина мама, попросила помочь найти донора. У нас ни у кого такой группы нет, Рябина уже всех на уши поднял. Но он же умница у нас, нашёл выход на станцию переливания крови и договорился, что нам дадут все необходимые препараты крови. Потому что пока неизвестно, что может потребоваться. Пашка уже везёт контейнер. Вот попросил сгонять с ним.

Ольга порывисто прижалась к нему:

– Вы такие молодцы! Я тобой горжусь. Будьте осторожны, пожалуйста!

– Я для этого и еду, чтобы Пашка за рулём не заснул. Он же вообще не спал, всю ночь искал кровь.

– А почему тебе не позвонил?

– Ты что, Пашку не знаешь? Нас тревожить не хотел, тем более что он прекрасно знает, что у меня вторая положительная, а у тебя первая. Помнишь, мы это обсуждали как-то? Ну, всё, Лёль. Теперь уж точно пора. Иди, иди спать.

Они тогда успели. Всю оставшуюся часть ночи гнали, как сумасшедшие. Но всё же успели. Влада Симу спасли. А казанские доктора лишь головами качали:

– Мамаша, у вашего сына потрясающие друзья.

Но на обратном пути на радостях заехали в Нижний Новгород, где у Рябилина жили родственники, и задержались на сутки. Серёга позвонил, предупредил, чтобы не волновалась. Только Ольге это было уже не нужно. Поездка эта, начинавшаяся как спасение человека и закончившаяся как увеселительная прогулка, стала последней каплей. И Лёльку понесло. Она сама не вполне понимала, что происходит, почему вдруг такая злоба, такая обида выплёскиваются практически без причины. Но ничего поделать с собой не могла. Она плакала и кричала, чувствуя отвращение к самой себе. Они тогда разругались вдрызг, и Сергей в сердцах прокричал слова, которые потом долго ещё звучали у неё в ушах:

– Я никогда не буду таким, как твой отец! Я люблю тебя так, что крышу сносит! Но подкаблучником не буду никогда. И у нас только два варианта: либо ты поймёшь это и мы будем уважать друг друга, либо мы расстанемся, если не сейчас, то скоро.

Она задыхнулась от обиды и резко подвела черту:

– Сейчас.

Он помолчал минуту.

– Это твоё последнее слово?

Ольга кивнула и отвернулась. Сергей очень тихо вышел из квартиры и из её жизни, как тогда казалось, навсегда.

А через две недели она узнала причину своей раздражительности и плаксивости. По их совместным с врачом подсчётам, забеременела она, скорее всего, в ту ночь, когда вернулась из аэропорта. Ольга, конечно, уже несколько недель понимала, что с ней происходит что-то не то, но думала, что сбой произошёл из-за стресса. А вот теперь доктор, усмехнувшись, сказала, что причина совсем в другом.

Ольге было на тот момент двадцать два года, она почти окончила институт и была замужем, пусть и формально. И тем не менее она всё-таки сделала то, что никогда не смогла себе простить. Не сказав о своём решении ни родителям, ни отцу ребёнка.

Но, как всегда это бывает в тех случаях, когда её особенно нужно утаить, правда стала известна. Да ещё буквально в тот же день.

Серёга тогда повёз к знакомому доктору свою старшую сестру, со дня на день ожидавшую рождения первенца. Муж её был в командировке, и сопровождать Светлану вызвался любящий брат.

В больнице шёл ремонт, часть лестниц была перекрыта,

и они добирались на четвёртый этаж каким-то уж очень замысловатым путём. Вдруг Света, опиравшаяся на его руку, вцепилась в него и с ужасом прошептала:

– О боже, здесь же абортарий!

Он не сразу понял, но закрутил головой, пытаясь понять, о чём это она. Тут толстая санитарка или медсестра распахнула дверь одной из палат и зычно закричала:

– Так! Кто ещё на аборт? Идите к операционной. Ножками! Ножками! Обратно с комфортом привезут, а пока ножками!

Две женщины в одних ночнушках вышли из палаты и направились за ней по коридору. У операционной остановились, следуя приказу подождать. Сесть им было некуда, и они так и стояли, прижавшись к стене. В этот момент дверцы операционной распахнулись и из неё с грохотом вывезли каталку, на которой головой вперёд лежала укрытая до подбородка простынёй светловолосая пациентка. Сергею стало жутко, когда он понял, что видит перед собой уже избавившуюся от ребёнка женщину. Он хотел отвернуться, но Света вдруг буквально повисла на нём и обморочно ахнула:

– Ольга! Это Ольга!

Это действительно была Лёлька. Он тогда всё сразу понял и окаменел. На негнущихся ногах отвёл сестру к доктору и вернулся обратно. На посту ему подсказали, где лежит Ольга Ясенева.

Он зашёл в палату, огляделся. Воспалённое сознание его

фиксировало совершенно ненужные детали. Комната с синими стенами была большая, на десять кроватей. В два огромных окна светило сентябрьское солнце. Посередине стоял стол со стульями, видимо, пациентки ели не в столовой, а прямо в палате. И на каждой кровати сидели и лежали женщины.

– Вам кого? – удивлённо спросила одна из них.

Он ничего не ответил – не было сил – а только потряс головой из стороны в сторону. Лёлька лежала в углу, слева от входа. Он подошёл, тяжело сел на стоявший рядом стул и посмотрел на ту, которую так любил и так ненавидел одновременно. Она ещё не отошла от наркоза, голова её с мокрыми, слипшимися волосами металась по подушке, пересохшие губы что-то шептали. Сергей наклонился.

– Серёжа... Серёжа... Не хочу... Пустите! Маленький... он маленький! – шёпот перешёл в тихий крик.

Он тогда долго сидел рядом с ней, позабыв про сестру, пока Ольга не очнулась окончательно и её не перестало выворачивать в судно, которое, как ему участливо подсказали соседки по палате, стояло под кроватью именно на случай рвоты после наркоза. Ясень намочил под краном свой носовой платок и вытирал Лёлькины губы и жаркий лоб.

Одна из соседок, толстая разбитная деваха, удивлённо посмотрела на него и презрительно произнесла:

– Заботливый... Такой заботливый, что девчонка прибежала аборт делать. Ты её, что ли, послал, говнюк?

Ему было так тошно, что не хотелось ничего никому объяснять. Самому бы понять, как так вышло, что его Лёлька, нежная, добрая, самая лучшая на свете девчонка, только что убила их общего ребёнка, мальчика или девочку. Но он всё же еле слышно хрипло ответил:

– Я ничего не знал.

– Да ладно, – недоверчиво хмыкнула толстушка.

– Если бы я только знал, я бы никогда не позволил.

– Все вы так говорите, хахали, а как дело доходит до женитьбы – тикаете. Слыхал, как говорят: наше дело не рожать, сунул, вынул и бежать!

– Я не хахаль. Я муж. – Сергею хотелось выть от отчаянья и боли.

– Му-у-уж? Официальный?

Он кивнул.

– Вот это да-а-а, – с безграничным удивлением протянула девица. Остальные тоже отвлеклись от своих дел и разговоров и прислушивались. – Как же так вышло-то? Она что, сдурела у тебя?

Он ткнулся лбом в почти прозрачную Лёлькину руку с голубыми венками, в которую вцепился и никак не мог отпустить, и заплакал.

С того самого страшного в его жизни дня, двадцать первого сентября 1991 года, прошло девять лет. За эти девять лет он ни разу больше не плакал, ни прилюдно, ни в оди-

ночестве. Лёльку он тоже больше не видел. Ему казалось, что вместе с ребёнком она убила и его самого. Разводились они, что называется, «по очереди», чтобы не встречаться, не смотреть друг на друга. Сначала заявление написала Ольга, следом пришёл он и тоже написал. Над графой «причины расторжения брака» задумался надолго. И, наконец, нетвёрдо вывел «желание жены». Девушка, принимавшая его заявление, удивлённо вздёрнула бровки, но переписывать не заставила. Меньше чем через месяц он снова пришёл в ЗАГС и забрал свидетельство о расторжении брака. Когда своё забрала Лёлька, он не знал.

Было четырнадцатое октября, и в Москве стояла такая теплынь, такая красивая, золотая ещё осень, что в другое время он залюбовался бы. Но на душе у него было черным-черно. Постоянно в голову лезли воспоминания. Буквально любой предмет, на который натыкался взгляд, оказывался так или иначе связан с Лёлькой. И перед внутренним взглядом свежеразведённого Серёги Ясенева то и дело вставали счастливые Лёлькины глаза, он слышал её голос и лёгкий смех. В очередной раз вспомнив о ней, он глухо застонал, будто заболели все зубы разом, подставил бледное, осунувшееся лицо холодному дождю и поплёлся домой, зализывать раны.

Дома были родители, и обе сестры. Старшая, Светлана, возилась с новорождённой Серёгиной племянницей. Прелестное дитя, похожее на маленького сумоиста, вопило по

ночам могучим басом, ело не переставая и больше всего любило засыпать под мрачноватые колыбельные в исполнении любимого дяди. Но именно далёкое от идеала дитя стало для него спасением. И он бесконечно возился с девчонкой, названной сказочным именем Василиса, благодушно агукающей и пускающей пузыри только у него на руках.

И эта домашняя, привычная жизнь цепляла, затягивала, обласкивала, помогала хоть ненадолго забыть о том, в какую кошмарную глубокую чёрную дыру превратилась после гибели ребёнка и развода его душа.

Москва. Осень 2000 года

А потом ушёл служить и вернулся из армии Пашка Рябинин, закончил аспирантуру и уехал в Германию Олег Грушин, отслужил в Йошкар-Оле и сам Ясень. И завертелась совсем другая жизнь. Работа круглыми сутками, и страх, что ничего не выгорит, и кураж, когда у них с Пашкой стало всё получаться. Рябинин оказался гениальным предпринимателем, нашёл для них замечательную нишу, которую они успешно заняли. Удивительно, но их кастом- и тюнинг-центр стал безумно популярен. Встав на ноги, они его дополнили ещё и автосервисом, и работа закипела.

Сейчас вот они открывали филиал в Питере и Нижнем. И приходилось мотаться туда-сюда-обратно. Но Сергею Ясеневу это нравилось. И был он бесконечно благодарен Господу Богу за то, что много лет назад под проливным июльским дождём появился в его жизни верный друг Пашка, Павел Рябинин.

Ясень давно уже возмужал и (знала бы Лёлька) перестал думать, что словом «друг» называется почти каждый знакомый. И друзей этих у него осталось раз, два – и обчёлся. Павел, Сима да Володька Лялин, их майор. Олег Грушин тоже, но он не в счёт, уже четвёртый год живёт и работает в Германии, в Ингольштадте, городе, в котором делают обожаемые всеми троими «Ауди».

Так что жизнь кипела, бурлила и пенилась. Только вот семьёй он так и не обзавёлся. Вроде встретил хорошую девушку. Собрался жениться. Лена была и весёлой, и доброй. Пашке вроде нравилась, и ему, Ясеню, тоже. Но потом неожиданно буквально за два месяца умудрился влюбиться, нет – полюбить! – и жениться сам Рябинин. И на их венчании со Златой Сергей Яснев вдруг понял, что ни на кого в жизни он не сможет уже смотреть вот так, как смотрел на свою молодую жену счастливый Павел. А уж если не сможет так, то и вовсе не надо ему жениться. И с Леной расстался. А вот теперь осознал, что влюблёнными и счастливыми глазами он уже смотрел в своей жизни на одну девушку. И девушкой этой была его бывшая жена Лёлька.

Успешный предприниматель, циник и дамский угодник Сергей Яснев после встречи с бывшей женой сел в машину и с удивлением глянул на свои трясущиеся руки. С трудом попав по кнопке, он включил радио. Любимый ими Александр Иванов пел в составе группы «Рондо» песню, которая все девять лет с того кошмарного дня, когда он остался один, напоминала Сергею о Лёльке. И впервые за девять лет он смог её дослушать до конца. Каждое слово, каждый образ казались понятными и верными, и, сделав радио погромче, Ясень хрипло запел вместе с Ивановым:

Я тебя недолюбил, я тебя недоглядел.

Допев последний припев, Сергей громко хлопнул обеими ладонями по торпедо и, опустив стекло, прокричал в темноту:

– Я всё переборю! А я смогу войти в ту реку дважды!

Какой-то припозднившийся подросток испуганно отпрыгнул от его машины, обернулся, вглядываясь в лобовое стекло, и в сердцах покрутил пальцем у виска: сдурел, что ли?

– Сдурел, пацан, – радостно согласился Ясень, – совсем сдурел! Влюбился в собственную бывшую жену. Вернее, и не переставал никогда любить. Но теперь, наконец, это понял. И больше ей от меня не уйти!

Для начала надо было разобраться с этими её странными делами. Он тронул машину и задумался, вспоминая, что рассказала ему Лёлька.

Вслед ему из-под козырька соседнего подъезда с ненавистью и удивлением глядел человек. Огонёк его сигареты мерцал в темноте. Наконец, он докурил, бросил окурочок в лужу, посмотрев, как тот зашипел и пошёл ко дну, и зло сплюнул:

– Ладно. Будем считать, что это небольшое осложнение. Справимся. Оно того стоит.

Ольга сидела на кухне, с ногами забравшись на стул. Тёплые белые, связанные бабушкой носки никак не могли согреть совершенно заледеневшие ноги. Она вообще была

мерзлячкой. И осенью почему-то мёрзла особенно сильно. Раньше её грел влюблённый юный Серёжка Ясенов, её ненаглядный, навсегда потерянный муж. Садился рядом на диван, когда она готовилась к завтрашним семинарам – ему то всё давалось играючи, умница и талантище же, не то что она, – стягивал с неё носки и брал холоднящие её ступни в большие горячие ладони. Она согревалась мгновенно... Но вот уже девять лет, как некому было её согревать.

На широком подоконнике сладко дрыхла сибирская кошка Ириска. Ольга купила её у весёлой бабули в переходе на площади трёх вокзалов ещё на первом курсе института. Ириска была кошкой пожилой, но по-прежнему шустрой и активной. Серёжка, когда её увидел, аж обомлел, не поверив своим глазам. И потом всё тискал пушистые кошачьи бока и удивлённо вопрошал:

– Ты жива?! Ты до сих пор жива? Чем ты её кормишь, Лёль?

А нахалка Ириска, будто вспомнив его, урчала у него в руках не переставая и тёрлась твёрдым лбом о его подбородок. Она всегда была к нему равнодушна. И Серёжка кошку тоже очень любил. Ольга даже ревновала немного.

Москва и область. 1987–1992 годы

Он вообще был страстный кошатник. Дома у его родителей жила невероятной красоты кошка, больше всего похожая на камышовую, которую Ясень когда-то нашёл в подъезде и не смог пройти мимо. Кошка по причине повышенной волосатости вообще-то носила имя Пушка, но лучше всего отзывалась на прозвище Родственник. Ольга, впервые услышав, как Серёжка говорит отиравшейся поблизости кошке: «Ну что, Родственник, есть будешь?» – хохотала до икоты.

Пушка была скотиной капризной, вредной и неласковой. К Ольге относилась индифферентно, к родителям и сёстрам Ясеня тоже. Зато самого Серёжку любила, спала у него в ногах и даже позволяла иногда погладить. Правда, любовь эта не помешала ей укусить его за безымянный палец, когда он ловил её, сбежавшую за кавалером, в подъезде.

Палец тогда страшно распух, а они как раз должны были ехать покупать обручальные кольца. Пришлось мерить на левую руку, что вызвало безмерное удивление у молоденькой продавщицы. Она с интересом взирала на них, пока Ольга не сжалилась над девушкой и всё ей не объяснила. Палец прошёл только недели через две, а кольцо оказалось велико. Почему-то у Сергея безымянные пальцы на правой и левой руках отличались. Ну, или он за эти две недели сильно похудел. Не иначе как от предсвадебных волнений.

Но все эти неурядицы их тогда только веселили. Они были юными и счастливыми и очень, очень, очень любили друг друга. Будущая свекровь смотрела на них и умилялась, ласково называла «мои голубки» и очень радовалась, когда Ольга приезжала к ним в Железку.

Вот с чем, вернее, с кем Ольге повезло, так это со свёкрами, точнее, со всей Серёжиной роднёй. Были это чудесные, добрейшие люди, которые приняли и полюбили её сразу и безоговорочно. Иногда ей казалось, что свекровь любит её чуть ли не больше, чем родных детей: Серёжку и двух его сестёр, старшую Свету и младшую Веру. Впрочем, и золовки, или как там называются сёстры мужа, её любили тоже.

А уж как она любила их всех! Ей было с ними всегда так тепло и уютно. Гораздо теплее и уютнее, чем в родительском доме. И она мечтала, что после свадьбы жить они будут у родителей мужа. Но не сложилось. Светлана вышла замуж чуть раньше, и вскоре уже ждала первого ребёнка, а через полтора года забеременела второй раз. Муж её жил с ними. И получилось, что в небольшой трёхкомнатной квартире ютились родители, Света с семьёй, Вера и Серёжа. Приводить ещё одного человека было некуда. Денег на то, чтобы снимать жильё, у них, нищих студентов, не было. Вот и пришлось проситься к её родителям. И это стало фатальной ошибкой.

Мама и отец были людьми неплохими, но на удивление сухими и неэмоциональными. Во всяком случае, по отношению к дочери. Друг друга-то они любили нежно и крепко.

Только вот Оле в их сердцах места уже не осталось. Она никогда в жизни не слышала ни от кого из них слов «я тебя люблю, доченька», или «ты у нас такая красавица», или хотя бы «Оленька». А уж свалившемся на их головы зятю они тем более не обрадовались. Мало того что рано: двадцатилетние жених и невеста казались им неприлично молодыми. Так ещё и крайне, на их взгляд, неудачно: Сергей был из многодетной семьи и никаких надежд на его финансовое благополучие Людмила Ивановна не возлагала. Так что брак дочери стал для них неприятным сюрпризом.

Серёжка же к тестю и тёще относился хорошо, старался им по возможности помогать, не отказывался вскопать огород в деревне или поменять чехол шруса в машине тестя. И иногда Ольге казалось, что им с родителями всё-таки удастся наладить нормальные человеческие отношения.

Но мама её стояла насмерть. Зятя она не любила и, что важнее, любить не хотела. А уж папа и вовсе всегда и во всём с ней соглашался. То ли от большой любви, то ли от бесхарактерности. И началась в их доме тихая война. Нет, никто в лицо друг другу гадостей не говорил и не делал. Но любой поступок Сергея, любой его самый незначительный шаг комментировался в одном ключе. Обычно его очередное отсутствие ласковая тёща, вскоре после их свадьбы сменившая тактику и занявшая небанальную позицию, оправдывала:

– Оля, а что ты хочешь? Конечно, он будет гулять налево. Интересный неглупый парень, образованный и эрудирован-

ный. Разве ему может быть интересно с тобой?

– А что со мной не так? – убитым голосом интересовалась Ольга, в которой нежные родители успешно взрастили с десятиков цвущих буйным цветом комплексов.

– С тобой всё так, – сокрушённо и с явным сомнением в голосе вздыхала мама, – просто ты совершенно не его человек. Ну, посуди сама. Он спит с окнами нараспашку – ты мёрзнешь всегда и даже летом трясёшься под пуховым одеялом, которое тебе подарила бабушка. Он любит поесть – ты не умеешь готовить, и у тебя вечно отсутствует аппетит. Он строит наполеоновские планы на будущее, а ты ни о чём не думаешь, живёшь сегодняшним днём...

– Ты ещё кое-что забыла, мама, – не выдержала однажды этого длиннющего списка несоответствий Ольга.

Людмила Ивановна удивлённо вскинула красивые брови и осеклась:

– Что именно?

– Что он мужчина, а я женщина. Если следовать твоей логике, уже хотя бы по этой причине мы не подходим друг другу и подходить никогда не будем.

Но, как известно, вода камень точит. И постепенно Ольге стало казаться, что доля истины в словах матери есть. Она, вместо того чтобы жить их с Серёжей любовью, стала приглядываться и прислушиваться к себе, к нему. Малейшее несоответствие во взглядах, самая незначительная ссора казались ей началом конца их отношений. Что уж тогда говорить о се-

рьёзных разногласиях?

Как и всякий недолюбленный родителями ребёнок, она остро нуждалась в постоянном одобрении, поддержке, признаниях в любви. И Ясень, пока был рядом, умудрялся всё это ей давать. Но он слишком часто уходил и уезжал. И сами отлучки эти воспринимались Ольгой как доказательство его равнодушия. А это было то, чего она больше всего боялась в этой жизни.

Так боялась, что стала убийцей. В тот сентябрьский день в палате на десятерых, с трудом приходя в себя после наркоза, она открыла глаза и увидела Серёжку. Он тихо плакал, сжимая в огромных своих ладонях её полупрозрачные кисти и запястье.

Ольга ни раньше, ни после не видела, как плачут мужчины. И слёзы эти напугали и потрясли её. Впервые ей в голову пришла мысль о том, что она сделала что-то такое, что уже никогда не сможет поправить, изменить. С трудом сглотив, она замерла в ужасе от осознания содеянного. Уловив её чуть заметное движение, Серёжа выпрямился, глядя на неё такими глазами... Такими... Даже по прошествии девяти лет Ольга вздрагивала, вспомнив тот день, когда её муж посмотрел на неё глазами отца, у которого убили ребёнка. И убила она. Тогда он еле слышно прошептал:

– Зачем? Лёлька моя, Лёлька, зачем?

И такой леденящий ужас прошил вдруг насквозь её пустое и бессмысленное тело, что она смогла только закрыть

глаза и отвернуться. В голове почему-то билась мысль, что она, как Раскольников, выбросивший поданную ему милостыню, своим поступком будто перерезала нить, связывающую её с остальным человечеством. Ольга скорее почувствовала, чем услышала, как тихо встал и ушёл Сергей. Ей стало ещё больнее, хотя, казалось бы, было уже некуда. И она поняла, что уже никогда в жизни не сможет произнести слова: Господи, за что?! Потому что, что бы ни случилось с ней, ничем она не искупит и не поправит то, что сделала сегодня, и самых страшных бед будет мало за этот её грех.

Но как ни странно, именно в этот самый горький в её жизни момент, на убогой больничной койке, под влажным тонким одеялом, она, став убийцей, приобрела то, что помогло ей выжить тогда, – веру. Много позже она узнала, что день этот, двадцать первое сентября, самый страшный день в её жизни, был светлым праздником Рождества Пресвятой Богородицы, днём Её рождения.

В тот день Сергей, отправив сестру домой на такси и бросив свою машину у больницы, пешком поплёлся к Пашке. Рябинин, увидев совершенно мёртвое лицо друга, молча втащил его в узкую тёмную прихожую и буквально волоком транспортировал в кухню.

Они тогда долго сидели вдвоём. Пашка молча подливал и подливал крепкой заварки и крутого кипятка в огромную чашку, по самый край, как любил Ясень. Потом встал и ко-

ротко скомандовал:

– Поехали!

– Куда? – вяло удивился Сергей.

– К отцу Петру.

Про отца Петра Ясень слышал уже неоднократно. Павел познакомился с ним случайно: помог отвезти жену батюшки в роддом. Знакомство их переросло в дружбу. И Пашка давно уже зазывал Сергея в гости к настоятелю Никольской церкви. Да всё недосуг было. И вот теперь Ясень вдруг почувствовал, что если они сейчас не поедут к батюшке, то он просто помрёт от тоски и поселившейся в его сердце пустоты. И они поехали.

Услышав о происшедшем, отец Пётр помолчал, ужаснувшись. Сергей испугался почему-то того, что вот сейчас этот малознакомый пока батюшка начнёт ругмя ругать Лёльку. Но тот вдруг горько произнёс:

– Бедная девочка, что она с собой сделала... С собой, со своей душой.

– Что мне сейчас делать? – еле слышно спросил Ясень, который за эти батюшкины сострадание и понимание был ему безмерно благодарен.

– Тебе? Тебе сейчас и потом, всю жизнь, молиться за неё, за себя и за убитого малыша.

Сергей дёрнулся, услышав страшное слово «убитый». Но потом поднял на батюшку больные красные глаза и прошептал:

– Я готов. Я тоже виноват.

– А мужчина в основном виноват и бывает в такой беде, – кивнул батюшка, – он сильнее, он решительнее, на нём ответственность за его женщину. Мужчина почти всегда может её остановить. Ты не знал, конечно, о выборе твоей жены. Но ты должен был о такой возможности подумать. Ты видел, что ей тяжело, что твои отлучки ведут к гибели семьи? Видел. Но ничего не изменил в себе. А этим ты её от себя оттолкнул... Ну, да ничего, не сгибайся ты так под тяжестью своих ошибок. – Ясень действительно сидел сгорбившись, бессильно опершись локтями о колени и обхватив лохматую голову руками. – Наше главное счастье в том, что Господь наш безгранично милосерден и прощает даже такие грехи. Кайся. Молись. Не отчаивайся. Надейся. И, бог даст, может быть, вы всё-таки будете вместе и родятся у вас ещё дети. Не взамен, этого малыша вам никто и никогда не заменит, но в утешение...

Много лет спустя, году в девяносто седьмом, Сергей, услышав по радио песню Олега Газманова «Единственная», вздрогнул, как от удара. Слова «не родятся наши дети» причинили невыносимую боль. Но песня была так хороша, так совпадала с его настроением, что он купил диск и с мазохистским наслаждением слушал и слушал её раз за разом, думая о том, что добрый и не по возрасту мудрый отец Пётр на сей раз оказался не прав и что их с Лёлькой дети всё-таки не родятся никогда.

Москва и область. Осень 2000 года

Закрыв за Сергеем дверь, Ольга поёжилась и потёрла лицо руками. Прошрое, которое она старалась забыть и почти забыла, ворвалось в её жизнь так неожиданно и так... – она поискала слово – решительно, да, именно решительно. Даже нахрапом, кавалеристским наскоком. И теперь ей было и горько, и сладко одновременно.

А ведь ей казалось, что она крепко-накрепко заперла дверь в это самое прошлое. Но стоило появиться Серёже, как воспоминания, от которых замирало её глупое сердце, разом налетели, навалились на эту самую дверь, и она дрогнула и разлетелась в щепки. И теперь кажется, что и не было этих долгих девяти лет, а всё произошло вчера.

Но надо не вспоминать, а думать, действовать! Потому что в жизни её явно происходит что-то нехорошее. Но вот кто этому причиной?... И тут вдруг она поняла, что теперь не одна. Как там сказал Серёжа? «Лёль, ты можешь думать обо мне всё, что хочешь, но бросить тебя одну вот сейчас я никак не могу. Ты же знаешь, я друзей в беде не бросаю». Она знала, конечно, знала. Только вот вся беда в том, что совсем не хотела, чтобы он был ей другом. Вернее, только другом.

Ох, как тяжело было самой себе признаваться в том, что бывший муж её, как выяснилось, по-прежнему оставался самым близким, родным и понимающим человеком. Но наеди-

не с собой она старалась быть честной.

Больше всего Ольга хотела бы, чтобы Серёжа сейчас был рядом, сидел вот на этой кухне или хотя бы просто спал по своей привычке на спине, широко разметаив руки и ноги. Но он уехал домой. А может быть, у него вообще семья и дети? Столько лет прошло. Разве возможно, чтобы он, такой добрый, умный, светлый, оставался один? Она не спросила его об этом, а он не сказал. Нет, нет... Она же видела его машину, ехала в ней. У семейных людей в салоне всё по-другому: валяются детские игрушки, забытые перчатки жены или её солнцезащитные очки. И кольца у него не было. Хотя... Это точно ни о чём не говорит.

Вздохнув, Ольга посмотрела на календарь, висевший на стене, и тут только вспомнила, что сегодня за день. А ведь с утра она была на службе в храме, как же умудрилась забыть? Она подошла к календарю и поправила покосившийся квадратик, выделявший числа. В нём ясно виднелись две цифры: два и один. Сегодня было двадцать первое сентября. Рождество Пресвятой Богородицы. Как тогда, но только девять лет спустя. Она посмотрела в окно на тёмное небо. Это шанс, Господи? Неужели ты даёшь мне ещё один шанс?

Выехав от Лёльки, из Реутова, Сергей с трудом поборол искушение сразу поехать к Рябининым и вывалить на них новости. Но потом глянул на часы и решительно направился домой.

Он так и не избавился от детской привычки жить всем вместе, семьёй. Да и не хотел избавляться, прекрасно понимая, что семья – это его единственная опора. Средства, слава богу, позволяли купить квартиры себе и – по соседству – младшей, незамужней ещё сестрёнке Вере. Она тоже работала у них с Павлом и очень им помогала. А вот теперь ещё и обосновалась рядом. Старшая сестра Светлана с мужем тоже поселились поблизости. Сергей хотел и родителей перевезти к ним, но мама и отец решительно воспротивились и остались в их старой квартире в Железнодорожном. Мама заявила тогда, что к внукам она прекрасным образом ездит на электричке, благо дети её устроились неподалёку от станции Карачарово. По прямой семь остановок, на восьмой выходить. Так и не уговорили их. Справедливости ради надо сказать, что квартира у родителей была хорошая, а теперь, после ремонта, который там учинили Ясень вместе с сёстрами, и вовсе прекрасная.

В общем коридоре Сергей прислушался. За дверью Вериной квартиры царила тишина: сестра спала. Он тяжело вздохнул, в сомнении потоптался немного, но будить пожалел и пошёл к себе. Вздуроражен он был так, что всё внутри тряслось противной мелкой дрожью, и Сергей ещё с полчаса бесцельно бегал по огромной своей квартире, стараясь уговорить бешено бьющееся и ноющее сердце.

Ах, если б он мог! Если б он только мог!

Лёлька всегда, с самого первого дня так на него действо-

вала. Он чувствовал себя просто котом каким-то, унюхавшим валерианку и сладострастно мечтающим о ней. Но ведь прошло девять лет! Целых девять лет. И все эти годы он как-то жил, что-то делал, и даже чувствовал себя счастливым. Иногда. Не слишком часто.

А когда они жили вместе, он просыпался ночью и в темноте смотрел на Лёльку. Её длинные волнистые волосы покрывали подушку, и он гладил их и смотрел, смотрел. Лёлька спала ужасно чутко. И нечего было и думать о том, чтобы прикоснуться к её коже и не разбудить. Вот он и обходился волосами. Но и от этого тоже или от взгляда его она частенько просыпалась и сонно улыбалась ему. А если он не выдерживал и всё-таки обнимал её, то даже из самого глубокого сна она нежно шептала:

– Любимый мой, – и тыкалась ему тёплым носиком в шею.

А он, как дурак, млел и обмирал от счастья. И всё ждал, когда же наступит привыкание и охлаждение отношений, о которых все твердят. А они никак не наступали и не наступали. Не успели, наверное. Потому что они с Лёлькой, безумно любящие друг друга, взяли и вдруг, по какому-то идиотскому недоразумению, развелись.

Но он ведь выжил. И даже вполне неплохо жил себе, пока не появилась... нет, не Лёлька. Пока не появилась в жизни его лучшего друга Пашки Рябина чудесная девчонка Злата.

До её появления они оба считали себя закоренелыми хо-

лостяками, один раз уже обжѣгшимися на воде и старательно дующими на молоко.

— Хватит, наелся кексов, — заявлял настрадавшийся за недолгую семейную жизнь Рябинин.

— До отвала, — соглашался с ним Ясень. И это было их своеобразной игрой, прикрывающей боль от прежних отношений и расставаний. Только он, Ясень, всё-таки подумывал о женитьбе и даже сделал предложение Лене, а вот Павел закрыл эту тему для себя навсегда. Во всяком случае, он сам так думал и приучил к этой мысли окружающих.

Но тут вдруг Злата возникла из ниоткуда. И Рябинин влюбился сразу и так сильно, что Ясень был потрясѣн. Так потрясѣн, что даже беспардонно завалился тогда к Рябинину в гости, посмотреть, кого же это друг встретил. И так ему тогда понравилась смешная рыжеволосая девчонка Злата и их с Пашкой отношения, что он тоже захотел так. И даже понадеялся было на что-то подобное. Но быстро понял, что в его жизни уже было такое чувство и что другого он сам не хочет.

На свадьбе у Рябининых Пашка заметил, что друг его странно печален, и зажал Ясеня в углу. Сергей рассказывать о своих невесѣлых мыслях не хотел, старательно убеждал счастливого новобрачного, что всё прекрасно, а он просто задумался. Но садист Пашка, единственный человек, кроме мамы, знающий о его слабом месте, применил недозволенный приём: уволок Ясеня подальше от веселящихся гостей и принялся щекотать. Совершенно не выносящий щекотки

Серёга тогда долго держался, гоготал, отпихивал разошедшегося друга, но всё-таки не выдержал и всё рассказал.

Пашка грустно посмотрел на него и тихо спросил:

– Ты что, всё ещё её любишь?

– Сам не верю.

– Серёг, но ведь тогда надо что-то делать. Хочешь, я ей...

– Не хочу, Паш. Спасибо, но пусть всё идёт своим чередом. Господь, если ему угодно, сам как-нибудь управит.

– Ясень, ты как тот благоверный еврей из анекдота, которому во время наводнения бог три раза помощь посылал, а он отказывался, твердя о том, что господь его спасёт. Помнишь, чем дело закончилось?

– Нет, – хмыкнул Сергей.

– Он благополучно утоп. Чего и следовало ожидать. Да только на том свете богу решил претензии высказать. Так, мол, и так, ты почему мне не помог?! А их бог ему и говорит: «Я тебе, дураку, три раза помочь пытался!» Так вот, может быть, тебе как раз в моём лице помощь посылают. Ты об этом в таком ключе не думал?

– Спасибо, Паш. Но мне сначала надо с Леной как-то помягче расстаться. Ей больно будет.

Павел кивнул. Да, Лене будет больно. Разумеется. Хотя ему всегда казалось, что она не так уж сильно любит его друга. Но ведь всё равно что-то чувствует, на что-то рассчитывает.

Больше к этому разговору они не возвращались. И вот че-

рез полтора года Лёлька ворвалась в жизнь Ясеня сама.

Сергей чуть в аварию не попал, увидев, как она голосует на обочине. Высокая, тоненькая, в красивом нежно-голубом плаще, под жёлтым зонтиком. Как солнышко в голубом оконце неба на фоне серости и дождя. И он сразу стал перестраиваться из крайнего левого ряда, чтобы подъехать к ней. Увидев, что его опередил какой-то бомбила, Сергей чуть не взвыл от досады. Но умница Лёлька того почему-то отпустила и снова подняла руку. И опять перед Ясеньевым успел влезть лихой таксист. Но и с ним Лёлька не поехала. Тут уж и Сергей подоспел.

Смешно, но она, пока он не заговорил, даже не поняла, к кому села. А он смотрел на неё, на её смешную суету с зонтиком, сумкой и дверцей автомобиля и понимал, что любовь вернулась в его жизнь в своих запотевших очочках, на высоких тонюсеньких каблучках и с первыми морщинками, разбегающимися от глаз. Неидеальная, взбалмошная, непростая, прожившая девять лет без него. Но единственно возможная любовь.

Любовь об этом не знала и сильно вздрогнула при звуках его голоса. Так сильно, что он моментально понял, что и у Лёльки их странная печальная история тоже не в прошлом, а очень даже в настоящем. А поняв, решил, что в лепёшку разобьётся, но попытается всё переиграть. Прав Пашка с его историей про старого еврея. И Господу Богу надо

иногда и помогать.

С этой мыслью он, наконец, сумел успокоиться и лёг спать, думая о том, что, если всё получится, скоро на этой широченной кровати рядом с ним будет спать Лёлька, его Лёлька. А он ночами станет гладить её золотые волосы и млеть от восторга и счастья. «Теперь, с этого самого дня всё будет только хорошо, легко и радостно», – думал он.

Взрослый и умный Сергей Яснев, до ужаса влюблённый в свою бывшую жену, совершенно забыл старую истину: если хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах.

Москва. Двамя месяцами ранее. Лето 2000 года

В их «шарашкиной конторе», как они с Пашкой ласково называли своё любимое детище, свою фирму, стоял дым ко-ромыслом. Несмотря на лето, заказы шли лавиной. Да ещё многие сотрудники были в отпусках, поэтому Пашка сам орудовал аэрографом, чем давно уже не занимался. Кли-енты, увидев, кто выполняет их заказы, приходили в экс-таз. Потому что руки у Павла Рябинина были золотые, и об этом прекрасно знала вся мотоциклетная и автомобильная Москва. А если ещё вспомнить, что и голова у него светлая, и вкус прекрасный, то можно понять бурю восторгов и вал заказов.

Зато вся организационная и бумажная работа свалилась на Ясеня. Свалилась и погребла бы его под собой, как пить дать, если бы не Вера, их верная Вера, его младшая сест-рёнка, умница и красавица, давно уже работающая с ними и добровольно взвалившая на себя добрую половину обязан-ностей брата и Пашки.

Да ещё Влад Серафимов вёз на себе целый воз дел. Это был тот самый Сима или, по-другому, Серый Фима, которо-му они когда-то возили препараты крови, спасшие жизнь их другу после тяжёлой аварии.

Влад работал с ними вот уже четыре года. Тогда они только-только встали на ноги и начали расширяться. Их дружное трио в лице Рябинина, Ясенева и верного секретаря Елизаветы Фёдоровны Шуваловой перестало справляться с пошедшими косяком заказами. И тогда они вспомнили про Серого Фиму и позвонили ему. Влад был ужасно рад. Он после института работал вохровцем на каком-то умирающем оборонном заводе и был счастлив бросить всё и перейти к ним. А через год и Вера защитила диплом. Так и собралась их команда, не менявшаяся уже три года.

Мастера, правда, тоже были те же, с кем начинали. Ни один нормальный человек уходить от фанатика Рябинина не хотел. Потому что любому нормальному человеку приятно работать с начальником, который пашет наравне со всеми. Впечатлительный Яснев иногда называл Павла Суворовым, но сам же втайне им страшно гордился.

Павел знал о своих сотрудниках абсолютно всё, никогда не забывал о днях рождения, годовщинах свадеб, новосельях и прочих радостях. Это он придумал на Новый год снимать с работы Серого Фиму и Веру и отправлять их на офисной машине в костюмах Деда Мороза и Снегурочки поздравлять детей сотрудников. Естественно, бесплатно. Он лично звонил жёнам мастеров, если случались какие-то авралы или когда видел, что сотрудник пришёл, повесив нос из-за семейных проблем. Он никогда не отпускал внезапно заболевшего сотрудника домой своим ходом. Всегда или давал машину,

или отправлял отвезти его кого-то из коллег, а то и сам добрасывал до места жительства. На дни рождения всех ждали подарки, причём не ради галочки, а выбранные с душой и желанием порадовать. Поэтому Павла не просто любили – его обожали всем их немаленьким уже коллективом. А потому неожиданный аврал восприняли с пониманием и энтузиазмом, зная, что потом и зарплаты будут «авральные».

С утра пораньше, заявившись в офис ни свет ни заря, Сергей включил компьютер и вошёл в почтовый ящик. Пару минут посмотрел письма, потом вскочил и кубарем, напугав их невозмутимую секретаршу Елизавету Фёдоровну Шувалову, их драгоценную королеву Елизавету, которая тоже, конечно, уже пришла, скатился вниз, в мастерские. Вихрем, хотя нет, учитывая его рост и комплекцию, скорее торнадо налетел на облачавшегося в раздевалке в рабочий комбинезон Павла и, стиснув того в медвежьих объятьях, радостно завопил:

– Рябина! В жизни не угадаешь, кто к нам едет!

Павел усмехнулся, деликатно высвободился из объятий и поинтересовался:

– Ну и кто же?

– Груша! Груша к нам едет! – завопил ещё громче Ясень и, не удержавшись, пустился в пляс, сам себе громогласно напевая:

– К нам приедет, к нам приедет Олежка Грушин да-а-а-а-а-рагой!

Звук заметался по пустой по причине раннего часа разделке, вырвался в мастерскую и затих в дальнем углу. Павел сделал удивлённые глаза и нараспев произнёс:

– Да ты что!

Ясень замер в движении и, так и не опустив поднятую ногу, с подозрением уставился на друга.

– Ты знал! Ты что, знал?! Откуда? Я только что в ящик влез, а письмо было ещё в непрочитанных.

– Знал, – довольно засмеялся Павел, подошёл поближе и сам опустил ногу Ясеню, – просто мне Олежка вчера вечером позвонил. Он и тебе звонил, но не застал. Вот и написал, чтобы тебе приятно было. Ну, и подробности все обещал сообщить. Когда он точно прилетает?

– Через две недели. Рейс и время тоже написал. Надо будет встретить.

– Конечно... – Павел задумался. – Знаешь что, давай-ка заказы на время его приезда перестанем брать. Должен быть и у нас отпуск, как ты думаешь?

Вместо ответа Ясень подскочил к телефону, висевшему на стене в мастерской, резво потыкал в кнопки и завопил:

– Вера! Верунь! Ну-ка повесь объявление и на сайте сообщки, что мы с какого? – он повернулся к Павлу, тот ответил:

– С первого августа.

– С первого августа... и по какое?

– По первое сентября.

– По первое сентября заказы на кастомайзинг и аэрогра-

фию принимать не будем. Пусть обращаются в сентябре. Ну, или пишутся в очередь. Да, пусть записываются.

– А что случилось? – Вера щекой прижала трубку и застучала клавишами.

– Сядь, а то упадёшь! К нам приезжает Груша! Наш драгоценный Олежек!.. Ты что? Ты где? Эй! Что так у тебя грохнуло? Ты там вправду, что ли, упала?! Ну, ясен пень, брата не слушала! Я ж тебе говорил сесть!

– А автосервис? – спросила Вера придушенным голосом.

– Нет, сервис работает. А вот кастом и тюнинг уходят в отпуск. И ты тоже, – он вопросительно глянул на друга, тот согласно кивнул. – Поняла? Умница моя! Вся в старшего брата. То есть в меня. – Он чмокнул трубку и, донельзя довольный, обернулся к Павлу. – Ну?

– Что «ну»? Что там с Верой?

– Говорит, трубку уронила. Но голос такой, будто на проезде чуть не повесилась. Тоже рада, наверное... Ещё раз спрашиваю: ну?!

– Ещё раз отвечаю: что «ну»?! Теперь за работу. Нам за две недели все уже поступившие заказы надо выполнить. Не можем же мы уйти в отрыв, не разобравшись с ними?

– Не можем, – согласился погрустневший Ясень, душа которого уже начала было петь при мыслях о приезде Груши-на и отпуске длиною в месяц. А тут начальство с его занудством! Душа обиженно замолчала. И второе лицо на фирме поплелось работать.

Олег прилетел солнечным тёплым днём. Ясень с Рябиной, смеха ради купив охапку идиотских гвоздичек, завернув их в газетные кульки и написав здоровущий плакат, топтались в зале прилётов аэропорта Домодедово.

Их друг появился одним из последних. Ясень толкнул Павла и хрюкнул:

– Опять, наверное, всем помогал и всех пропускал.

Грушин близоруко оглядел зал и вдруг увидел плакат. Глаза его полезли на лоб и тут же в них заплясала такая радость, что Ясень не выдержал, отбросил дурацкий плакат, на котором намеренно вкривь и вкось было выведено:

РОДИНА-МАТЬ В ЛИЦЕ СЫНОВЕЙ
(В КОЛИЧЕСТВЕ ДВУХ ШТУК) СО СЛЕЗАМИ
НА ГЛАЗАХ ВСТРЕЧАЕТ СВОИХ ГЕРОЕВ
(В КОЛИЧЕСТВЕ ОДНОЙ ШТУКИ)! –

и кинулся к другу.

Худенький и невысокий Олег, тоже побросав своё имущество в количестве двух необъятных чемоданов на колёсиках, рванул навстречу Серёге и Пашке. Здание аэропорта огласилось дикими воплями:

– Груша! Груша ты наш!

– Ясень! Рябина! Дорогие вы мои! Любимые!

Серёга облапил друга, приподнял его над полом и на весь зал прилётов продекламирровал:

– Висит Груша, нельзя скушать!

Когда, отпихнув друга, обнимать Олега начал Павел, Ясень выдал на-гора следующий шедевр:

– Наш Павлуша обнимает Грушу!

Потом подумал немного, отодвинул Рябинина, подхватил чемоданы Олега и закончил:

– Отпихну Павлушу, обниму сам Грушу! Ну, пойдём-ка, Груша, на дворе-то лучше. На улице к тому же вздохнёт уставший Груша.

Олег хохотал, держась руками за онемевшие щёки. Потом застонал и попросил Павла:

– Лунь, уйми ты его! Я помру сейчас от смеха!

– Что значит «уйми»?! – возмутился Ясень. – Нашу песню не задушишь, не убьёшь!

– Я так понимаю, что мой приезд некстати?

– Почему?

– Да потому что ты решил меня уморить ещё здесь, в здании аэропорта. Видимо, хладный труп тебе нужней живого друга.

– Нет, ты посмотри на себя! Ты там занудой, что ли, стал, в этом оплоте капитализма?

– Ясень, ну, правда, уймись! Ты что разошёлся-то? – вступился за Грушина Павел.

– Фу! – с интонациями Карлсона обиделся Сергей. – Во-круг меня одни зануды. С одним я работаю с утра до ночи, плюс дружу. Второго ждал-ждал. Думал, отведу я душу с моим любимым Грушей. А он тоже за-ну-да!

Они дошли уже почти до «Ауди» Павла. Павел тащил волоком ставший ненужным плакат, а Ясень вёз чемоданы, не давая Олегу даже приблизиться к ним. Грушин, счастливый и возбуждённый, на ходу выкладывал последние новости. Примолкший было Ясень, увидев огромную лужу, не высохшую ещё после вчерашнего дождя, не утерпел и выдал:

– Подожди, Павлуша! Обойдём-ка лужу, я немного трушу: а вдруг намочим Грушу. Кстати, милый Груша, как ты находишь суши? Сейчас умнём мы суши, хлебнём sake к тому же – отметим приезд Груши.

– Серёга! – простонал Олег. – Что это было?

– Это? – удивился стихотворец. – Это гимн, это ода, это мадригал в одном флаконе! Я так рад тебе, что чувства мои невозможно передать прозой. Поэтому я перешёл на стихи.

– А-а-а, а то уж я подумал, что ты заболел. Спасибо, конечно, но, может, всё-таки вернёмся к прозе? А то у меня окончательно немеют щёки, и я не смогу есть твои хваленые суши. А ещё послушай: от стыда у Груши покраснели уши, пожалей ты уши смеющегося Груши.

Ясень захохотал в голос, чем очень напугал горстку пожилых японских туристов, имевших несчастье грузиться в автобус по соседству с разбушевавшимся стихотворцем. Низкорослые пенсионеры втянули головы в плечики и с ужасом смотрели на русского богатыря, громогласного и весёлого. Друзья с горем пополам погрузились-таки в машину, смеясь и рыдая от хохота попеременно, и отправились празднो-

вать приезд долгожданного Груши. Суши и прочие японские изыски пошли на ура. Про sake Ясень упомянул лишь ради красного словца, пить излишне горячительные напитки в их компании было не принято. В конце праздничного ужина, вполне соответствующего последним гастрономическим веяниям, Олег ностальгически поинтересовался:

– Ребят, а как там наша пельменная?

«Своей» они называли небольшую забегаловку неподалёку от института. Там кормили недорого и при этом очень даже съедобно. Они всей толпой особенно любили здоровущие, кособокие, не очень привлекательные внешне, но невероятно вкусные пельмени, поэтому и кафешку величали «пельменной», хотя на самом деле она называлась забавно, но не всем понятно. Впервые увидев её, Олег, оторопев от полёта креативной мысли рестораторов, вслух озвучил название:

– «Морильня червячков»... Это что ж означает? Мы, посетители, надо полагать, червячки. И местная еда нас заморит. В смысле, уморит... Надо ж было так выпендриться. Пойдёмте отсюда подобру-поздорову.

– Это всего лишь означает, что здесь можно заморить червячка, – посмеялся над версией друга сообразительный Павел, – пойдём, заморим?

– И правда, рискнуть, что ли?

Они зашли и больше за все годы учёбы «Морильню» ни на что не променяли. И Олег в сытой и спокойной Германии ча-

ще всего вспоминал именно о тех благословенных временах, когда они после пар бежали в «свою» пельменную и лопали пельмени в самых разных видах и в огромных количествах.

– Представляешь, цела пока! Сами удивляемся!

– Да вы что? И название не поменяли?

– Не-а!

– А поехали туда?

– Что, соскучился по нормальной пище на неметчине? – посочувствовал Ясень. – Поехали, бедолага! Хотя я тебе скажу, Олеж, что жена Пашки, наша Злата, пельмени лепит такие, что я уже давно готов у них в Никольском поселиться окончательно и бесповоротно. Останавливает только нежелание стать приживалом.

– Да ты что?! Пельмени лепит? Сама? В наше время?

Павел гордо кивнул, а Ясень, обожавший Злату, расцвёл:

– Ты не представляешь, что это за пельмени! У Златы дед с Алтая и бабушка из Сибири, так она и научилась. Так что, если будет тебя спрашивать, чем тебя угостить, проси пельмени! Не ошибёшься...

Потом они поехали в «Морильню», после по другим местам боевой славы и наконец, под вечер уже, добрались до Никольского, где жили Рябинины. У Олега родственников в Москве не осталось. Отец умер, ещё когда они учились в институте, а маму он перевёз к себе в Германию, как только устроился там и немного обжился. Сейчас она с ним не приехала, отправилась в Англию, к своей школьной подру-

ге, перебравшейся туда. Квартиру они сдавали. Скрамный Грушин порывался остановиться в гостинице, но друзья так протестовали, что коллегиально решили всё-таки, что в Никольском дорогом гостю из Германии будет гораздо лучше.

Вечером, проводив Ясенья, отправившегося домой, Павел и Олег долго сидели на огромной веранде, пили чай с мятой и разговаривали. Когда Злата ушла спать, деликатно оставив друзей одних, Олег грустно посмотрел ей вслед и спросил:

– Как там наша Берёзка?

– Неплохо, Олeж, – в тон ему вздохнул Павел.

– Замуж не вышла? – ещё больше погрустнел Грушин.

– Нет. И вроде бы не собирается.

– До сих пор одна?

– Подкатывает к ней тут «товарисч». – Павел неодобрительно покачал головой. – Мне кажется, что у них даже что-то есть. Но я больше чем уверен, что это всё очередной проходной вариант.

– Почему ты так думаешь?

Павел помолчал, грея руки об огромную чашку, которую ему привёз из Питера Ясень. На чашке была нарисована русалка. Изящная и длиннохвостая, она сидела на камне и смотрела в море. Непонятно было, какое отношение андерсеновская героиня, символ Дании в целом и Копенгагена в частности, имеет к северной российской столице. Но больше этой загадки Павла интриговала внешность хвостатой девушки, изображённой на чашке. Сам он этого не заметил,

а вот Злата моментально обнаружила и показала ему: русалочка была невероятно похожа на Ольгу Березину.

– Потому что она до сих пор любит Ясеня.

– Спустя девять лет?! Да не может быть! – Не согласился Грушин.

– Поверь мне. Вернее, даже не только и не столько мне, сколько Злате. Она всё-таки человек со стороны, у неё глаз незамыленный. И вот она мне после первого же разговора с Ольгой по телефону заявила, что Берёзка наша мужа своего бывшего до сих пор любит, хотя ни на что уже не надеется. А я в этих вопросах Злате ой как доверяю. У неё чутьё фантастическое.

Олег задумчиво покрутил в длинных пальцах сигарету и сунул обратно в пачку.

– Даже так? Жалко мне их обоих, – помолчав, показал мятую, истерзанную пачку. – Вот, бросаю курить.

– Ты же знаешь, что я скажу: давно пора. Сколько мы с Ясенем с тобой боролись? А ты всё не поддавался.

– Ну, это вы спортсмены у нас и с детства привыкли вести здоровый образ жизни. А я к этому только-только прихожу. Только тяжело отвыкать. Вот хочу заодно, раз уж приехал, сгонять в Каширу. Там, говорят, есть тётечка, которая очень неплохо помогает курильщикам.

Павел вздёрнул правую бровь:

– Олеч, ты что? Откуда ты этот бред взял? Ты что, в это веришь? Может, ты ещё и Кашпировского с Чумаком смот-

рел?

– Павлунь, я ни во что такое не верю. Я реалист. Но маме моей про эту тётку сообщила старая подруга. Вот матушка и загорелась идеей отправить меня к ней. Отбрыкиваться бесполезно. Ты же помнишь мою маму. Если не съезжу добровольно-принудительно, то через пару дней она бросит и подругу, и Англию, а сама примчится спасать своего непутёвого неслуха сына, то есть меня. Проще сгонять в Каширу и отчитаться о проделанной работе.

А Кашпировского с Чумаком, кстати, я не смотрел, но периодически меня бабушки шантажом вынуждали попить заряженную воду.

– Чем шантажировали-то? – засмеялся Павел, помнивший обеих бабуль Олега.

– Своей преждевременной смертью от инфаркта, инсульта, оторвавшегося тромба и прочих гадостей одновременно.

В Каширу избавляться от пагубного пристрастия к никотину Олег отправился в одиночестве. В тот день и Павел, и Сергей были очень заняты и компанию ему составить не могли. Ясень выдал другу машину своей сестры Веры, маленькую «Ауди» А4. На ней Грушин и отправился за сто километров от Москвы, на высокий берег Оки.

Съездил он благополучно, вернулся окрылённым, устроил показательное сожжение полупустой пачки сигарет в камине дома Рябининых и, довольный, отправился спать. В по-

следующие дни к сигаретам не притрагивался, зато исправно пил по часам какие-то настои трав, выданных ему каширской бабушкой. При этом от воздуха ли Отчизны, в смысле, дыма Отечества, от возможности ли хорошенько выспаться или по какой другой причине, но выглядел он день ото дня всё лучше и лучше. Друзья только диву давались, видя такие перемены. Ясень, склонный к добровольному возложению на себя обязанностей свахи, всплёскивал руками и задумчиво тянул:

– Хорош жаних... Такому бы жаниху да невесту получише... Хочешь, мы тебя женим?

Олег на это загадочно улыбался и молчал.

– Что молчишь? – не выдерживал деятельный Ясень. – Не хочешь? Или у тебя там, в твоём Ингольштадте, уже какая-нибудь фройляйн завелась? Брось её немедленно! Не дурри! Она ж тебя угробит! Или ты её. Не зря же говорят: что русскому хорошо, то немцу смерть. Но учти, наоборот тоже действует. Фройляйн хороша для «фрицев». Для нас она решительно не подходит. А ты мне дорог как память о давно прошедшей юности. Я не хочу тебя терять!

– Я не-е хочу-у тебя-а теряя-а-а-ать! Ты мне-е ка-а-ак па-а-амять очень до-о-орог! – во всю глотку пропел Павел, присутствовавший при разговоре. – Олеж, не слушай ты нашего заслуженного сваха. Любви все нации покорны! Полюбил немку, так мы её примем, как родную. И тоже полюбим.

– Не-е-е! Я её любить отказываюсь. Вы как хотите, но во

мне генетическая память говорит. Да что я несу? Не говорит, а вопиет, надрывается, сердешная. Я немцев, конечно, ни в чём не виню, понимаю, что всё дела давно минувших дней. Но как только слышу немецкую речь, то за себя перестаю отвечать. Во мне сразу просыпается один дед-танкист, другой дед – белорусский партизан, бабушка-медсестра и вторая бабушка – «ночная ведьма». И всё. Ничего не могу с собой поделать. Сразу тянет пускать под откос поезда и идти в атаку. В крайнем случае, бомбить вражеские аэродромы. Так что в целях безопасности поездов и аэродромов требую только нашу, отечественную невесту!

Слушая споры, Олег только благодушно улыбался и молчал. Но накануне праздника, который решили в его честь устроить Рябинины, подошёл к Злате, подсчитывающей, сколько будет народу, и сообщил:

– Ко мне ещё девушка приедет. Ты не против?

– Что ты, Олежек?! Конечно, нет! – заулыбалась довольная Злата, которой, после того как они с Павлом нашли друг друга, всё время хотелось кого-нибудь знакомить и женить. Павел её за это журил и даже называл свахой и сестрой-близняшкой Ясеня, но она только ласково отмахивалась и твердила:

– Мне плохо оттого, что не все счастливы, как я. Были бы все взаимно влюблены, мир стал бы идеальным.

Поскольку первые две недели дружно решили дать Олегу возможность отдохнуть и расслабиться, грандиозный празд-

ник в честь приезда друга, четыре года не бывшего на родине, запланировали на субботу второй недели пребывания Грушина на родине.

В назначенный день с обеда начали съезжаться гости. Пригласили почти всю их институтскую группу, нескольких школьных друзей Олега и пару подружек Златы. Олю Березину не позвали, хотя несчастная Злата буквально вся извелась, думая, как бы и Олю пригласить, и Ясенья не расстроить. Но деликатный Олег сказал, что он с Берёзкой может встретиться и на нейтральной территории. На том и порешили.

Ясень же, не знавший о страданиях Златы, был счастлив, узнав, что Олег пригласил какую-то девушку. Но только ровно до того момента, когда девушку эту увидел.

Грушин встречал свою гостью на станции в Никольском. Нетерпеливый Ясень извёлся у окна, поджидая Олега и его таинственную подругу. И, как всегда это бывает, именно в тот момент, когда они появились на дорожке, ведущей к дому, отвлёкся. Поэтому увидел друга и гостью уже на пороге. Увидел и даже крикнул от изумления.

Девушка, хотя девушкой её можно было назвать с большой натяжкой, была довольно высока, выше Олега на полголовы, широка в кости и немолода. «Молодая была уже не молода», вспомнилось Ясеню. Видимо, что-то подобное вспомнилось и Злате с Павлом, потому что при виде гостьи возникла небольшая пауза. Но Сергей, справившись с собой, на правах друга хозяев дома попытался изобразить радушие

и кинулся встречать вошедших.

– Здравствуйте, здравствуйте! Проходите, пожалуйста! Олежек, познакомь нас скорее!

Грушин, который почему-то чувствовал себя явно скованно, встрепнулся и представил:

– Анжелика, это мои любимые друзья: Павел и Злата Рябиныны, у них мы сейчас в гостях, и Сергей Яснев. Ребята, это...

– Анжелика Криволапова, – перебило его прелестное создание низким грудным голосом, совершенно не подходившим к довольно простецкой внешности, и хохотнуло, прижав Олега к себе, – подруга сердца вашего друга.

– Очень приятно, – чуть заметно улыбнулась Злата и ущипнула за бок Ясеня. Тот хрюкнул, мотнул головой, но сдержался и больше ничего не сказал.

– Проходите, пожалуйста, в гостиную, – отмер Павел, стоявший до этого соляным столпом.

Изумление его объяснялось тем, что никого более неподходящего стройному, невысокому, рафинированному Олегу Грушину и представить было невозможно. Причём неподходящего и внешне, и, судя по всему, по уровню культуры и воспитания. В их институтской компании Олег, внук академика Грушина, был самым эрудированным и начитанным. И даже на фоне невероятно головастого Ясеня, блиставшего по всем предметам, Оли Берёзки, которая окончила музыкальную школу и играла на фортепиано и флейте, и самого

Рябинина, умницы, заядлого театрала, обожавшего классику, Грушин выделялся какой-то несовременной энциклопедичностью знаний.

«Может, она человек хороший», – подумал Павел и решил подождать развития событий.

Оно, то есть развитие событий, ждать себя не заставило. Вместе с хозяевами в гостиной было восемнадцать человек. Злата пригласила всех к столу, гости, уставшие ждать припозднившуюся Анжелику Криволапову и виновника торжества, оживлённо заговорили и перешли в столовую. Олега усадили на почётное место, и начались расспросы.

Грушин уехал в Германию четыре года назад. Почта почтой, Интернет Интернетом, телефон телефоном, но теперь всем хотелось узнать о его житье-бытье поподробнее и вживую.

– Олеж, расскажи, ну, вот как ты там в первое время жил? – спросил их институтский приятель Игорь.

– Олегушка, – не дав раскрыть Грушину рта, перебила Анжелика, – лучше расскажи, какой у тебя там дом, что за машина?

Игорь чуть раздражённо дёрнул уголком рта, но промолчал. Олег смущённо помялся и начал:

– Дом хороший, большой. Машина... ну, «Ауди», конечно. Не новая, но мне очень нравится...

– Почему не новая? Денег нет? – Анжелика смотрела с недоумением.

– Деньги есть, – мягко улыбнулся Олег, – мне очень хорошо платят. Просто и не принято там, да и привык я к ней...

– Это неправильно, – снова высказалась гостя, – машина должна быть самой новой и дорогой.

– Почему? – искренне изумился Олег.

– Да! Почему?! – не выдержал Ясень.

– Потому что, – медленно, веско, с расстановкой произнесла Анжелика, – машина – лицо семьи. Вот когда мы поженемся, Олегушка, надо будет машину поменять.

– Когда вы поженитесь? – чуть не подавившись пирожком, вытаращил глаза Ясень.

– Именно, – отмахнулась от него девушка, – Олегочка, расскажи про дом!

– Олегочка, ну его, дом этот! Расскажи про работу! – Ясень явно внутренне уже рвал и метал, но воспитание не позволяло ему откровенно поставить на место даму, и он старательно делал вид, что шутит.

Злата обеспокоенно посмотрела на мужа и Сергея. Глаза обоих были подозрительно холодны.

– Анжелика, попробуйте вот эти закусочные пирожки! – преувеличенно весело вмешалась она. – Это по рецепту моей бабушки. Надеюсь, вам понравятся.

– Я уже пробовала, мне не понравились, я сладкие люблю... Ольгунчик, ну давай про дом.

– Какой у вас интересный, своеобразный вкус, – тихо, угрожающе тихо заметил Ясень, обожавший Злату и всё, что

она готовит, – своеобразный вкус и не менее своеобразное воспитание. Вернее, полное их отсутствие.

Анжелика его не замечала. Она подалась к Олегу, обеими руками обвила его правую руку так, что он не мог ни куска отправить себе в рот, и томно смотрела на него.

– Слушай, эта бальзаковская красotka меня уже бесит, – пожаловался Злате Ясень.

– Она не бальзаковская, – шепнула та в ответ, – я тоже сначала подумала, что она старше Олега даже. Ан нет, это просто от неудачного и слишком яркого макияжа и полного неумения одеваться. А так ей лет двадцать пять – двадцать семь максимум.

– Да ты что? – искренне изумился Ясень.

– Ага. И она, кстати, вполне даже симпатичная, непонятно только, плохо воспитанная или мы ей мешаем охмурять Олега и поэтому она прёт напролом, как танк.

– Не, ну симпатичная – это ты загнула. Ведь натуральный крокодил в юбке.

– Это в тебе антипатия говорит. Ты присмотришься получше.

Действительно, у Анжелики были большие карие глаза, хорошая, хоть и несколько полноватая, фигура и красивые руки. Но в этих карих глазах так неприкрыто горел огонь алчности и желания хорошо выйти замуж, фигура так прижималась к Олегу, а руки так цеплялись за него, что всё вместе производило удручающее впечатление.

– Олeж, а как работа? Интересная? – вмешался Коля

Осоргин, ещё один их однокурсник.

– Очень! – Оживился Грушин. – Ты не представляешь, как там всё организова...

– Мы всё представляем, Ольчик! Расскажи нам про дом!

– Дом хороший, Лика, большой. Нам с мамой даже слишком просторно в нём. Мама так красиво его обставила...

– Ну, мы всё переделаем под нас. Мамин вкус – это мамин. А вкус жены важнее. И я не Лика, а Анжелика, – проворковала гостя, страстно заглядывая Олегу в глаза. Для этого ей пришлось несколько скукожиться.

– Так и он не Ольчик, не Ольгунчик, не Олегочка и даже не Олегушка, – ласково, так ласково, что у Павла свело челюсти, улыбнулся Ясень, – он Олег. В крайнем случае Олежа. Но это только для своих.

Анжелика мазнула по нему невидящим взглядом и продолжила:

– Ты ведь отселишь маму, когда мы поженимся?

– Куда? – растерялся окончательно деморализованный Олег.

– Лучше всего в Россию. Чем дальше родственники, тем сильнее любовь.

– А давайте споём! – Коля Осоргин схватил гитару и, не дожидаясь согласия остальных, ударил по струнам. Злата благодарно посмотрела на него и длинно выдохнула. Все вразнобой, преувеличенно громко запели.

Ясень, воспользовавшись ситуацией, не без труда отцепил

Анжелику от Олега и голосом искушителя шепнул ей:

– А вот Коля, ну, тот, который поёт, владеет сетью автомагазинов.

Девушка с интересом посмотрела на Колю, который, кстати, был давно и счастливо женат на их же однокурснице Ире Самойловой, сидевшей сейчас рядом с ним. Но об этом факте биографии владельца автомагазинов хитрый Ясень умолчал.

– Олигарх? – спросила она с придыханием.

– Ну, не так чтобы уж олигарх... Но вполне состоятельный человек... Нам всем до него далеко. Рекомендую.

И коварный Ясень, оставив Анжелику переваривать информацию, удалился на кухню. Там Сергей и присоединившийся к нему Павел устроили Олегу форменный допрос:

– Кто это?! Что это?! – шипел Ясень, зверски вращая глазами. – Ты что там, на неметчине, ополоумел совсем?

– Да, Олеч, ты откуда её взял? Она же думает только о том, как тебя на себе женить, переехать в твой большой дом, купить новую большую машину, желательно американскую, и отправить тётю Аню обратно в Россию.

– А потом она заведёт себе «фрица», обдерёт тебя как липку и будет жить припеваючи в твоём доме. Ты что, этого не понимаешь?

– Теперь понимаю, – Олег совсем приуныл, – я всё понимаю. Кто ж знал, что она такая? Мы когда с ней познакомились, она себя по-другому вела.

– Где вы с ней познакомились и как вела?

– Да в Кашире...

– Где?!

– В Кашире, когда я ездил бросать курить. Она тоже к этой бабушке пришла.

– Зачем? Венец безбрачия снимать?!

– Не знаю. А что такое венец безбрачия?

– Понятно. Потом объясню, про венец, в смысле. Пришла, сняла и на месте поймала лоха. То есть тебя. Что ты ей про себя рассказывал, наивный ты наш?

– Ну, про то, что живу в Германии, что работа хорошая...

– Всё ясно.

– Да нет, она славная девушка. Она совсем по-другому себя вела...

– Как?! Ну как она себя вела?

– Слушала так внимательно...

– Ага. Вот всё, что нам, мужикам, нужно. Она тебя на это и поймала. А заодно и много интересного про тебя узнала.

– Ой, Ольгунчик, боюсь, нам теперь от неё отвязаться просто так не удастся. Или ты в неё и вправду влюблён и отвязываться не хочешь?

– Не называй меня Ольгунчиком! Ребят, что же делать-то? Я не влюблён. И отвязаться хочу. Очень! Только совсем не знаю, каким образом. Я, когда её сегодня увидел, чуть не упал. Не пойму, что со мной там, в Кашире, было. Мне она тогда показалась такой милой, такой непосредственной...

– Ага, вот так мило и непосредственно чуть не взяла тебя в оборот и не изуродовала тебе жизнь. Ты в Кашире случайно не пьяный был?

– Нет, вы что?!

– Мы не что. Это ты что. Может, тебя бабка та чем опоила? Давала она тебе что-нибудь?

– Давала. Настой какой-то.

– Вот, наверное, с настоя тебя и повело. Ударил он тебе по шарам. Да так, что ты не нашёл себе никого лучше, чем Анжелика Криволапова. У вас, надеюсь, ещё не слишком далеко зашло?

– Нет! – совсем испугался Олег. – Гуляли только, разговаривали, в ресторан сходили.

– В «Макдональдс»?

– Почему в «Макдональдс»? В «Пушкин».

– О боги! Что ж ты такой наивный-то у нас?

– Ребят, что делать-то?

– Что-что? Надо как-то ситуацию в нашу пользу отыгрывать.

– Как?!

– Ну, пока мы её на Колю переключили. Теперь надо с ним и Иришкой договориться, чтобы они подыграли.

– А дальше-то что? Она же станет к нему липнуть.

– Да пусть липнет. Это ровно до того момента, как он из дома выйдет. А там у него охрана. Вон, в машине сидят. Хорошие ребята, крепкие. Уж как-нибудь они с ней справятся.

А тебя она затопчет. Это ж не женщина – это боевой слон Александра Македонского!

– Ты не переживай, – пожалел совсем сникшего Грушина Павел, – до завтра продержимся, а утром мы улетаем в Геленджик.

До утра они продержались. Введённый в курс дела Коля Осоргин развеселился и охотно согласился подыграть, сказав:

– Ну, наконец-то появилась возможность Олежку отблагодарить за экзамен по сопромату. Помнишь, ты меня выручил? А я, между прочим, до сих пор тебе не отплатил. Вот и поквитаемся.

– Отпусти меня, Емеля, я тебе пригожусь, – хохотнул довольный тем, что всё так удачно складывается, Ясень.

Ирочка Осоргина тоже согласилась подыграть, старательно делала вид, что она Коле лишь старая приятельница, и заговорщицки шептала Анжелике:

– Он очень состоятелен, Анжеликочка. Олег что? Ну, голова светлая, ну, в Германии работает. Но ведь наёмный работник. А Коля – сам себе хозяин.

– Но ведь Европа! – возбуждённо восклицала охотница за мужьями.

– Европа – это мелко, – не соглашалась Ира, – за Россией будущее. Или вы его любите, Олега-то?

– Нет, моё сердце совершенно свободно, – проворковала обольстительница, плотоядно глядя на высокого широко-

плечею Осоргина, – пожалуй, он мне куда больше подойдёт, чем этот задохлик.

В этот момент к ней подсел проинструктированный друзьями «задохлик» Олег и завёл:

– Анжелика, душа моя, приглашаю тебя к себе в Германию. Познакомлю с мамой. Мама у нас глава семьи, она...

– А у Николая родители есть? – проигнорировала его бывшая невеста. Почему-то спросить о наличии жены ей даже не пришло в голову.

– Есть, – улыбнулась Ирина, – но они живут у сестры Осоргина, в Питере.

– Чем дальше, тем роднее, – удовлетворённо кивнула Анжелика Криволапова, – а сестра замужняя или бобылка?

– Замужняя. Муж владеет автомойками. У них четверо детей.

– Пойдёт, – гостя потёрла ладони и, не сказав больше ни слова ни Ирине, ни жестоко покинутому Грушину, пересела к Николаю, обольстительно прижавшись к его руке выдающимся бюстом.

– Мадам Грицацуева, – снова вспомнил Ильфа и Петрова начитанный Ясень и закатил глаза, – знойная женщина, мечта поэта. Тебе, Груша, не жаль такую упускать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.